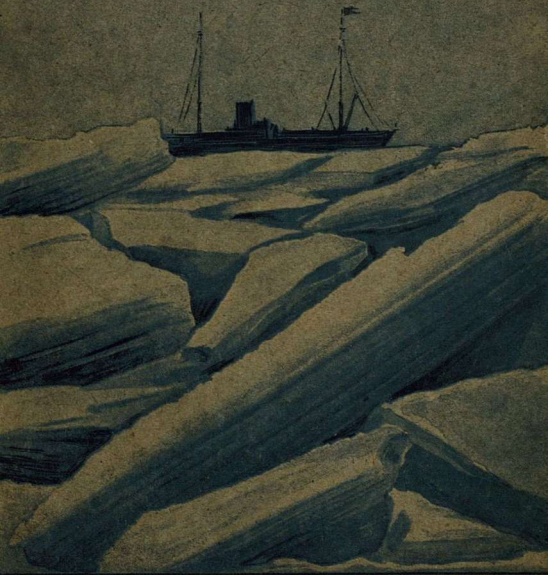

Н. ВОЙТИНСКАЯ

В КОЛЬЦЕ ЛЬДОВ

Н. ВОИТИНСКАЯ

В КОЛЬЦЕ ЛЬДОВ

(Три года на острове Врангеля)

Рисунки М. Г. Ижевской

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“
ЛЕНИНГРАД
1930

ТИПОГРАФИЯ
«КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ»
ИМЕНИ ВОЛОДАРСКОГО
ЛЕНИНГРАД
ФОНТАНКА, 57

985802

645090 кх. рег.

Российская государственная
детская библиотека

Ленинградский Областлит № 52169. Зак. № 3837. Тираж 15.000.

~~Научная библиотека
до 1917 г. и
издательств
«ДЕТСКАЯ ЛЕНИНГРАДСКАЯ ТИПОГРАФИЯ»~~

В бухте Родджерса.

„Ставрополь“ дал протяжный свисток.

— Правый якорь к отдаче изготовить! — раздалась с мостика команда капитана.

— Отдать якорь!

— Тра-а-ви ка-нат!

Застучала, загремела якорная цепь.

— Пришел на канат! — доложил боцман.

— Стопора положить! От каната отойти! — Это последняя команда капитана. Он спустился с мостика.

— „Ставрополь“ стал на якорь.

— Шлюпку к спуску изготовить! — Теперь уже командовал боцман.

Матросы бросились к шлюпке.

— Тали травить!

Еще минута, и шлюпка с шумом ударилась о воду.

На палубе стоял невообразимый шум.

Чукчи и эскимосы, сбившись в кучу, махали руками, указывая друг другу на остров: „Како!“ „Ко!“ „Како!“ „Како!“ дивились они на сверкавший в лучах солнца высокий берег.

Ездовые собаки подняли лай. Вожатый, каюр, пощелкивал над головами самых беспокойных собак длинным бичом. Куры, запертые в огромную клетку, в испуге хлопали крыльями и кудахтали. Из трюма доносилось тягучее мычанье коров.

Доктор приставил к близоруким глазам большой полевой бинокль, чтобы лучше разглядеть землю. За покатым берегом бухты тянулась цепь гор. Волнистый ее хребет белым снеговым узором выступал на фоне ярко голубого неба. В прозрачном воздухе все казалось близким,—и запорошенные снегом скаты гор, по которым серебристыми нитями искрились ручейки, и изломы скалистых холмов, походившие на груды желтоватых кристаллов, и разбросанные среди них пятна бархатистой сероватой зелени мха.

— Вот они, эти горы, которые больше ста лет тому назад видел с мыса Якана лейтенант Врангель,—подумал доктор.—Сколько с тех пор манил этот берег и сколько связано с ним страданий и горя.

Боцман что-то крикнул.

Шумная толпа подалась назад и чуть не сбила доктора с ног. Рядом жалобно заплакал ребенок. Доктор нагнулся: маленький мальчик, как игрушечный мишка, с ног до головы одетый в мех, барахтался на полу и не мог подняться. Доктор взял его на руки. Из-под сползшего назад капюшона выглядывала бритая на макушке головка с жесткой черной бахромой волос над лбом. Еще большее сходство с игрушечным мишкой придавали меховые рукава, снизу зашитые мешочком.

К доктору протолкался веселый боцман.

— Доктор, пожалуйста, мы вас в первой шлюпке отвезем на берег!

— Спасибо, товарищ, сейчас.

Доктор выше поднял мальчика. Но, вопреки его ожиданию, никто не подошел, чтобы взять у него его находку.

— Знаете, товарищ, вы уж поезжайте без меня. А я со следующей шлюпкой... Этот вид на берег... это такое величие...

Меховой мишка просунул пальцы через прорешку в боковом шве рукава. Ткнув рукой себе в грудь, он важно проговорил.

— Кмекай!

Доктор вынул платок и вытер ему непросохшие от слез глаза, а за одно и нос; при этом он стер весьма основательный слой грязи.

— Доктор!— крикнул ему из шлюпки заведующий колонией,—что же вы? Едем!

— Не могу. Видите, я не один. Жду, чтобы объявилась мать!

— Так съезжайте вместе с мальчишкой, а мать разыщем на берегу.

„Аврал!“ и все обратились в грузчиков: капитан, заведующий, доктор, матросы, рабочие, охотники—русские, чукчи и эскимосы—все принялись за разгрузку судна. Огромное брюхо „Ставрополя“ было до отказа набито всякой кладью. Из Владивостока, за 3.000 миль¹ привезли целый дом, разобранный по бревнышкам. А сколько тяжелых ящиков, мешков и тюков с продовольствием! Запасы были взяты для 60 человек на три года. Насколько удачен будет промысел, этого никто не знал, а знали, что не каждый год судну удастся пробиться к острову Врангеля. Но кроме пищи охотникам необходимо снаряжение и лодки, каяки, нарты, ружья, порох. Взят был также и запас топлива,—ведь на обледелом острове леса нет и в помине.

На борт „Ставрополя“ был погружен самолет для разведки в пути.

Чукчи и эскимосы тоже захватили с собою свое жилище в разобранном виде,—это были шесты, жерди и связанные в огромные тюки шкуры.

Между „Ставрополем“ и берегом зашныряли легкие, крепкие кунгасы. Примут с судна груз, отвезут на берег и снова возвращаются за кладью.

Пустынный остров—это не порт приморского города, в котором за человека работают сложные, мощные машины, рычаги, подъемные краны, лебедки. Здесь все приходилось делать вручную.

„Ставрополю“ надо было спешить в обратный путь.

¹ Морская миля—1,75 км.

В полярных морях всякое промедление грозит гибелью судну и людям. На какие-нибудь несколько недель между льдами появляются трещины, разводья, по которым судну удастся проложить себе путь, а там уже снова льдины смыкаются в сплошные поля, и горе тогда запоздавшим мореходам: льдины могут клешнею сжать корабль, они могут раздавить его, как орех, помогут также его захватить и унести с собою в свои бесконечные скитания по морям и океанам.

Работали изо всех сил, благо еще не кончилось полярное лето и беззакатное солнце не сходило с неба.

Чукчи и эскимосы с первых же дней устроились на острове по-домашнему. Рабочие и матросы еще не успели вырыть яму под фундамент дома, как у каждой семьи был готов шатер или яранга.

Желтовато-серые шатры издали напоминали древние курганы. Шатры эти в несколько часов вырастали из груды шестов и тюленьих шкур. Не надо было закладывать фундамента,—рыли три ямы по углам треугольника; в них ставили

три столба и, соединив их верхними концами, крепко связывали. Затем из шестов, жердей и перекладин между столбами плели решетчатые сквозные стенки. Получалась как бы многогранная, опрокинутая корзина. Это был остов яранги. Жерди и шести искусно связывались ремешками, продетыми через отверстия на концах каждой палки. Оставалось накинуть меховую покрывку, реттем, состоящую из двух огромных, сшитых полотнищ меха. Полотнища соединялись завязками из ремешков. Такими же завязками меховая покрывка привязывалась изнутри к шестам и жердям. Над ярангой, словно связка ветвистых оленьих рогов, чернели концы шестов и жердей. Наверху было отверстие. Через него скудный свет проникал в ярангу, в которой не было ни окон, ни дверей; туда же выходил дым от очага, который освещал и согревал мрачную внутренность шатра.

Но это был лишь наружный шатер. Внутри, против входа, ставили внутренний шатер, йоронгу или полог, как называли его русские охотники.

Йоронга—это меховая спаленка. Тесно в ней, выпрямиться нельзя, но зато не холодно. Из двойных шкур сшит чехол, натянутый на остов из жердей.

Русских охотников решено было поселить в доме фактории. Они привыкли жить в деревянных домах, а не в меховых шатрах, как чукчи и эскимосы. Не привыкли они также день и ночь поддерживать огонь на очаге и в аайкапе¹; а

¹ Аайкапа — чаша, в которой горит меховая светильня, плавающая в тюленьем жиру.

яранга, как только хозяйка крепко заснет и не доглядит за огнем, сразу же выстывает и наполняется едким дымом. Да немного и оказалось русских охотников, всего две семьи. Из них один устроился особняком, поставив лачужку из плавника, найденного в бухте.

Вначале русским охотникам приходилось на ночь возвращаться на судно,—не спать же под открытым небом. А хоть дом и вырастал, как в сказке, все же немало дней прошло, пока его сложили венец за венцом и подвели под крышу. А там еще надо было его проконопатить, обшить досками да толем, вывести печи. Рамы и наружные двери делали тройные, чтобы не дуло: зимою в полярных странах дуют страшные ветры, бушует вьюга. Случается, что ветер срывает ставни, крыши, поднимает и крутит в воздухе камни. Правда, от таких ветров не спасают и тройные рамы и двери: в жарко натопленном с вечера доме по утру не найти капли воды—вся она превратилась в лед. Но когда затихают полярные вихри и мороз не слишком лют, за тройными рамами тепло.

Рядом с домом выстроили сарай для хранения привезенных запасов и небольшую будку для наблюдений за погодой.

Чукчи и эскимосы, поставив свои яранги, отправились на разведки: кто высматривает на покрытой льдом береговой косе следы белых медведей, кто бродит по скатам гор и зорко смотрит, не мелькнет ли среди серого камня серебристый, пушистый песец. Далеко уходили охотники; шли в соседние бухты и подолгу

лежали на берегу, вглядываясь в подернутую зыбью синюю воду и в белые, сверкающие на солнце льдины, — не выплывет ли стадо моржей порезвиться на сверкающей поверхности воды, не просунет ли тюлень свою глупую, ленивую морду в отдушину во льду.

А самолет тем временем облетел вокруг всего острова и принес хорошие вести. Под берегом повсюду держалась чистая вода, можно было обойти остров на байдаре или на каяке. Особенно рады были этому эскимосы. Им совсем не по вкусу было карабкаться через холмы и горы, обдирать себе ноги об острые края плитчатого гранита или слоистого осыпавшегося сланца. Байдара — это другое дело! Байдара для эскимоса — что крылья для птицы, что конь для жителя степей.

Пролетая низко над водою, лётчики видели на обледенелых косах и на льду следы всяких зверей, морских и пушных. Особенно много следов зверя было на северном берегу острова. Жизнь обещала быть сытой и привольной.

Чукчи и эскимосы просили матросов со „Ставрополя“ передать их родичам на „Большой земле“, чтобы они, как только будет возможность, переселялись на остров, где они будут есть нерпы¹ сколько захотят и где их собаки не будут сохнуть с голода.

А „Ставрополь“ спешил в обратный путь: припасы были выгружены, дом почти готов; осталась внутренняя отделка, но это поселенцы закончат собственными силами.

¹ Нерпа — тюлень.

Русские полярные охотники привыкли годами жить вдали от населенных мест, в глуши, где нельзя нанять людей для всякой работы, поэтому они мастера на все руки, — умеют и столлярить и подкрасить, что надо. „Ставрополю“ пора уходить, время не терпит.

Все поселение высыпало на берег провожать уезжающих. Засновали под самым бортом каяки эскимосов и чукчей. Заведующий и доктор подъехали в шлюпке.

Капитан поднялся на мостик и скомандовал:

— Канат на шпиль!

— Пошел шпиль!

— Есть, пошел шпиль! — отозвался боцман. Застучала якорная цепь.

— Встал якорь! — крикнул боцман.

— Малый ход вперед! — скомандовал капитан.

— На месте якорь! — доложил боцман.

— Стопора положить!

„Ставрополь“ начал увеличивать ход и плавно заскользил по воде. И все знали — ускользнула нить между островом и „Большой землей“.

Надвигается полярная ночь.

Быстро догорал короткий осенний день. Алый диск солнца еще виднелся из-за синих уступов далеких ледяных гор, но очертания предметов стали зыбкими — серые узоры на голубовато-сером фоне.

Плоские силуэты яранг темнели на холодном снегу, — словно то были купола древних, погружившихся в землю построек.

Перед одним из шатров двигались люди, перебрасываясь короткими фразами.

Вся семья, от мала до велика, была занята работой. Шатер, обычно наглухо закрытый со всех сторон, как опрокинутое гнездо, был открыт, край тяжелой меховой полы приподнят и привязан к наружной стене шатра ремешками.

В полумраке яранги, освещенной огнем очага, двигались неуклюжие фигуры в широкой меховой одежде. Это женщины прибирали шатер, — скребли земляной пол, складывали разбросанные у стен шатра вещи на нарты, заменявшие и столы, и шкапы.

Мужчины работали перед домом — выравнивали промерзший снег пещнями и лопатами.

Две женщины вытащили из шатра целую грудку шкур и бросили на снег. Они раскидали

по двору большие и малые шкуры. Затем подняв за концы огромный меховой чехол, они начали его трясти изо всех сил. Морозная пыль столбом поднялась над меховым ковром.

Женщины разогрелись от работы. Они чуть не до пояса расстегнули свои меховые рубахи, переходившие в шаровары. Молодую чукчанку стесняли широкие, длинные рукава; она вытащила одну руку; рукав нескладно повис за спиною. Чукчанка потерла голое плечо и руку снегом, чтобы не зябли и, схватив палку с привязанными к концу оленьими рогами, принялась выколачивать меховой чехол. Старуха вооружилась такой же палкой и стала выбивать иней из разбросанных по двору шкур.

— Гей! Гей! — покрикивал на них высокий старик, хозяин шатра. Двор был уже прибран. Мужчины побросали пшени и, присев на корточки возле большого, низкого камня, закурили свои трубки.

— Гото! Гото! Поживее!

Два карапуза, зашитые с головы до ног в мех, бросили вылепленную снежную бабу и подошли к старшим. Им надоело играть и хотелось скорее в теплый полог, хотелось есть, напиться горячего чая. Меньший, свернувшись комочком, прилег на снег, а старший, с волочащимся по земле клапаном меховой макки¹, принялся жалобно скулить.

Старик Рультувия ласково заговорил с ребенком:

¹ Макка — детская меховая одежда, в которой рубашка и штаны сшиты вместе.

— Потерпи, Кмекай! Завтра праздник Мнгеырбын. Придут соседи с бубнами. На новый год была хорошая добыча, а теперь настанет время сужения дня, и мы будем сидеть в пологе, пока не придет удлинение дня!

— Гей! Гото! Живее вы там! — прикрикнул он на женщин. — Что же мне с Куэльгином итти помогать вам ставить полог!

— Завтра в твоём шатре справляют Мнгеырбын, придут гости и таньги¹ — начальники, так сегодня можете посидеть на снегу, не холодное время! — спокойно отозвалась старая Оттва.

— Да мне-то от моей трубки так же тепло, как от твоей аайкапы. Дети хотят чаю!

— А разве Куэльгин не может повесить чайник над очагом? — Молодая чукчанка бросила работу и воинственно подбоченилась.

— У меня льду наколото три ведра и очаг горит. Теперь Куэльгину на охоту не уходить, может и в яранге что-нибудь сделать!

Старый Рультувия махнул рукой:

¹ Таньги — по-чукотски русские.

— Потерпи, Кмекай! Лучше чаю не пить, только бы не спорить с женщинами!

Доктор вернулся с праздника, на который его вместе с заведующим поселением позвал старый Рультувия. В его ушах еще раздавалась дробь бубна, гортанные звуки песни. Перед глазами стояли фигуры одетых в шкуры людей, пляшущих под низким сводом шатра, при свете разложенного на земле костра.

Доктору хотелось поделиться впечатлениями. Он сел к столу и достал лист бумаги.

„Дорогие мои!“ написал он своим крупным, четким почерком.

— Но когда они получат? Не раньше, чем через два года. Ну, да, конечно, мое письмо отвезет то самое судно, которое и меня самого отвезет с этого сказочного острова на „Большую землю“. Какой же смысл писать письмо?... Еще дневник, это другое дело“...

„Дорогие мои!“

Он долго сидел перед белым листком. Все яснее вставали в его памяти те, кому он собирался писать.

— Какая разница, через неделю, или через два года? Ведь то, что я расскажу им, не приурочено к одному какому-нибудь году. Я расскажу им о сохранившемся осколке древнейшего прошлого, расскажу о людях, в жизни которых отголоски каменного века сплетаются с завоеваниями современной культуры. Их копья, пращи, даже их топоры и ножи сохранили формы ка-

менных орудий прошлого, для них недавнего, а для нас бесконечно далекого; у них сохранился древний быт охотников, не знающих земледелия, проводящих всю жизнь в непрерывной борьбе с суровой стихией... Два года! разве это имеет значение?

И доктор стал писать:

„Дорогие мои! Сколько незабываемых впечатлений! Передо мною проходят картины древнейшего прошлого человечества. Между этим прошлым и нами протекли тысячелетия упорного, непрерывного труда. А мы оказались лицом к лицу с этим прошлым, и в наших силах дать этим людям то, чего культурное человечество достигло ценою многих тысячелетий борьбы...“

Доктор долго писал. Он писал о том, что видел в шатрах, куда его звали к больным: о бесстрашии перед смертью, о нежной заботе, с какой относятся к своим детям суровые охотники; он писал о том, как похожа их жизнь на какую-то сказку, в который животные принимают такое же участие, как и люди, — собаки-друзья выручают в пути, помогают на охоте, защищают в беде. Нерпа создана для того, чтобы служить пищей людям, она не опасна: очень уж ленива и глупа, очень уж легко ее обмануть и провести. Медведь страшен, он может задрать человека на смерть, но страшнее волк, потому что это не просто зверь, — это злой дух Кэлэ, — о волке опасно даже говорить. Морж — хорошая

добыча. Дорого ценятся его клыки, но эти клыки стоили жизни не одному охотнику...

„Где рассказ о приключениях на охоте, где сказка, которую из поколения в поколение рассказывают детям и взрослым, — этого я никогда не могу отличить. Одно так похоже на другое. Для нас вся их жизнь — сказка. И среди этой полярной сказки мы, европейцы, то-есть заведующий и я, мы ведем весьма не сказочный образ жизни: работа строго распределена по часам, но рабочий день у нас не шести и не восьмичасовой, — начать я его должен в семь часов утра; на „Большой земле“ я был только врачом, а здесь — я и врач, и метеоролог. А как Вам известно, на всех метеорологических станциях мира наблюдения производятся по несколько раз в день в определенные часы, и первые записи на каждый день должны быть сделаны ранним утром. Итак, в семь часов утра — я в роли метеоролога. Выхожу из дому. Мрак, стужа. Пройти надо через двор. Казалось бы чего проще. Но когда дуют эти проклятые полярные ветра, это дело совсем не простое. Ветер валит с ног, пригибает к земле, крутит снежинки, мелкие как пыль. Глаз не открыть. Мы натянули между домом и будкой толстый канат. Держусь за него и иду, как слепой. Добираюсь до будки.

Перехожу с записной книжкой от одного прибора к другому. Освещаю фонарем

шкалу, записываю. Но это еще самое легкое дело. Хуже, когда приходится регулировать инструменты, устанавливать их, завинчивать и отвинчивать металлические винты. Руки стынут, не слушаются; в перчатках невозможно ухватить головку винта, без перчаток — руки примерзают к металлу, того и гляди, отморозишь и лишишься пальцев — придется себе же ампутировать.

Но затем настает день, — в последнее время за день я почти ничего не успеваю сделать, — солнце показывается над цепями гор на пару часов и спешит скрыться вновь. Выйдешь к больному за-светло, а пока сидишь в пологе при свете аайкапы, настает ночь, серая, как наши глухие сумерки. Затем опять берешься за наблюдения, за записи. Составляю графики, таблицы, за день, за неделю, за месяц.

С тоскою думаю, что скоро простимся с солнцем на долгие недели... Наш заведующий не тужит, он даже рад, что скоро наступит полярная ночь и он сможет немного отдохнуть. Совсем замотался. Шутка ли организовать поселение из охотников, собранных из разных мест. Тут и чукчи, и эскимосы, и русские охотники, у всех свои навыки, свои обычаи. Надо наладить промыслы, установить порядок. В этом всех больше помогает нам наш кладовщик Павлов. Он и учитель, он и охотник. Сам женат на чукчанке. Поселенцы верят ему безгранично".

— И зачем я все это пишу? — спохватился доктор. — Ведь к тому времени, когда они получат это письмо, поселение будет давно организовано. А то, что я здесь делаю, делают на каждой полярной метеорологической станции“.

Он думал было оторвать страницу, на которой писал о себе и о заведующем. Он еще так много хотел рассказать о них, о героях полярной сказки, среди которых ему предстояло жить... Но глаза слипались от усталости. Доктор закончил письмо, положил его в конверт и заклеил.

„Люрен, Люрен, дух ветра!“

Эттыльгин пришел звать доктора к заболевшей сестре Иле-неут. Девушка, по его словам, уже несколько дней не ела ни мяса, ни жира, не прикасалась даже к самым лакомым блюдам, которые готовила ей из моржовых внутренностей старая Аканга.

— Злой дух посетил наш шатер, — закончил свой рассказ молодой чукча. Войдя в комнату, он сбросил меховой капюшон. Бронзовым лицом с орлиным носом и светло-карими, узкими глазами он походил на краснокожего индейца. Связанные на макушке за ушами жесткие черные волосы, напоминавшие украшение из перьев на голове индейского вождя, еще больше увеличивали это сходство.

Доктор привесил себе на шею небольшой мешочек с медикаментами, натянул косматые меховые сапоги, а через голову надел длинную, широкую малицу с капюшоном. Из-за густого,

пушистого меха поблескивали большие круглые стекла его очков. Подбородок и кончик носа можно было спрятать за широкий ворот малицы. В метель кожа через несколько минут покрывалась ледяной маской и мучительно ныла.

В сенях Эттыльгин поднял с полу длинный ремень из моржовой кожи и обвязался им вокруг пояса. Другой конец ремня он передал доктору. Доктор взял ремень и крепко затянул его вокруг широкого мехового балахона. Итти предстояло недалеко, всего шагов триста, но эта предостарожность не была излишней. Даже через тройные рамы и обшитые тесом и толем стены доктор в своей маленькой, жарко натопленной комнате слышал, как гудела и завывала выюга, крутя над берегом бухты вихри снежной пыли.

Так было утром, когда он в семь часов выходил произвести наблюдения, так было и вчера, так было и третьего дня. До сих пор, по наблюдениям доктора, метели бывали каждый пятый день. А теперь, третьи сутки слушая то жалобный, то злобный вой ветра, доктор с тоскою думал, что жизнь на этом пустынном острове может оказаться тяжелее, чем он ожидал.

Обвязавшись в сенях концами ремня, они вышли из дому. Только они переступили через порог, как порыв ветра с такой яростью бросил на них белую колючую мглу, что доктор пошатнулся и ударился о косяк. Эттыльгин, как кошка, припал к земле. Снег был неглубокий. Выюга вздымала и крутила в воздухе твердые, как мелкий град, крупинки. Чукча сделал не-

сколько шагов вперед; ремень, связывавший его с доктором, натянулся, как потяг собачьей упряжки. Низко нагнувшись, словно вглядываясь в несуществующие следы, Эттыльгин почти пополз. Он тянул за собою доктора. Жесткие крупинки злобно разыскивали всякое незащищенное место на лице и кололи, как иглы. Доктор закрыл глаза. Зачем было их открывать среди этого белого мрака? Отойдя несколько шагов, он повернул голову, чтобы по свету в окнах дома

определить направление, в котором они шли. Но света почти не было видно, словно его унесли далеко, далеко. Чуть маячил светлый круг, как отражение лампы на белой стене.

Доктору стало не по-себе и он с очками ушел в ворот меховой малицы. Всего три недели, как наступила эта проклятая полярная ночь. А сколько еще предстояло таких недель без солнца, без дня, без света!

Минутами казалось, что ветер налетает изпод земли и из каких-то трещин злобно выме-

тает, выбрасывает тучи мелчайших стеклянных осколков.

Эттыльгин подвигался медленно, но доктор чувствовал, что его проводник не плутает наудачу, а знает, куда нужно идти. Уверенность чукчи передавалась также и ему. Он уже не думал о свисте и столах бури; в сознании стали всплывать какие-то легкие, светлые мысли. Вдруг он почувствовал, что ремень ослаб. Он вытянул из-за ворота голову и приоткрыл глаза. Они стояли перед самой ярангой.

Шатер был до половины занесен сугробами. Выше меховые его стены были тоже запорошены снегом. Только над верхушкой шатра торчали во все стороны концы шестов и жердей.

Эттыльгин освободил доктора от ремня и, слегка приподняв тяжелую меховую полу шатра, предложил войти, то-есть, растянувшись на животе, вползти под полу.

В наружном шатре было темно и немногим теплее, чем под открытым небом. На низком очаге тускло горел огонь. Клубы едкого белого дыма, причудливо извиваясь, носились в воздухе, ища выхода. Ветер, задувая в дымовое отверстие, гнал дым обратно. Доктор невольно зажмурил глаза. Он открыл их, услышав, что Эттыльгин позвал кого-то: „Гой! Гой! Айнганват!“ На оклик из темного угла за очагом встал человек в меховой одежде и что-то ответил Эттыльгину. Доктор не только не понял, но даже не расслышал звука слов,—вьюга яростно налетала на шатер и так гудела, словно стены яранги обратились в огромный барабан.

Эттыльгин указал рукою на очаг, пламя которого едва светилось в густых облаках дыма. Наклонив над очагом обветренное коричневое лицо, Айнганват поправил огонь в огромной чаше. Эттыльгин взял легкую деревянную колоду и осторожно сбил снег с одежды доктора. Взметнувшиеся языки пламени осветили три шеста, поставленные треножником над очагом, и привешенный между ними огромный черный чайник. Пришлось опять лечь плашмя на землю, чтобы через полу проползти во внутрь йоронги.

У задней стены горела аайкапа. В полукруглой, каменной чаше, наполненной жидким тюленьим жиром, плавала зажженная моховая светильня. Душный воздух был наполнен запахом пота, копти и прелого меха. Казалось, что весь меховой ящик набит человеческими телами. Старый Каулькай с морщинистым, кирпично-красным лицом сидел на почетном месте, справа от аайкапы. Рядом с ним сидела старая Аканга. Положив голову ей на колени, дремал ее младший сын, маленький Рультет. Доктор искал глазами больную. Он не сразу ее заметил, — ее заслоняла сидевшая спиною к выходу женщина.

— И так ты пришел! — сказал Каулькай. Он подвинулся ближе к Аканге и предложил гостю занять почетное место.

— Каляи! — обратился он к неподвижной, как статуя, женщине. — Пришел человек, который без бубен умеет говорить с духом, посылающим болезни детям белой жены¹. Я позвал

¹ Чукчи называют себя „детьми белой жены“:

этого человека. Пусть он подойдет к Иленеут и скажет, что мы должны сделать, чтобы дух болезни ушел от нее и не возвращался.

Услышав имя „Каляи“, доктор вспомнил рассказ о шаманке ¹, жене Кытлепа, самого ловкого из охотников. В ее силу верили многие чукчи колонисты и ее колдовством объясняли неизменную удачу Кытлепа в охоте. Но Каляи все время избегала встречи с доктором. В ответ на слова Каулькая она только ниже наклонилась над лежащей в углу Иленеут.

Каулькай нахмурился. Он не верил, что Каляи может вылечить его дочь, но верил, что своим колдовством шаманка может навлечь несчастье на того, кто посмеется над ее шаманской силой.

— Каляи, — осторожно заговорил он, — человек, который пришел помочь нам, родом из далекой земли и не умеет говорить с духом ветра нашей стороны. Каляи, постучи в бубен, уйми ветер. Ветер так воет, что дух, наславший болезнь на Иленеут, не услышит голоса нашего гостя. Каляи, заговори ветер!

Шаманка выпрямилась и повернулась. Она устремила на доктора пристальный взгляд, упрямый и недобрый, и спросила по-чукотски Каулькая:

— А он хочет, чтобы я стучала в бубен?

Доктор понял вопрос прежде, чем Каулькай перевел ему слова Каляи. Он поспешно закивал головой.

Встав на колени, Каляи достала из-за изголовья Иленеут бубен и колотушку из китового уса.

¹ Шаманы — колдуны.

Каулькай сделал движение руки в сторону огня. Аканга потушила аайкапу. Полог погрузился в глубокий мрак.

Раздался звук бубна, дрожащий, гулкий, и, словно откликаясь на призыв, Каляи запела старинную песнь чукотских шаманов, заговаривающих ветер.

— Люрен, Люрен, дух ветра, я зову тебя, откликнись! Если ты пролетая задел концом крыла землю, откликнись, я ищу тебя! Если ты выдетел из узких ущелий, где живет мать горного эхо. Люрен, дай ответ!

Жалобный призыв песни становился смелее, бубен звал все настойчивее, громче. Затем голос Каляи снова сделался мягким и вкрадчивым, а из-под китовой палочки полились роко-чушие, переливчатые всплески звуков.

— Скажи, зачем ты велел разгребать огромной лопатой снег на краю пустыни и лепить глаза всякой живой твари? Скажи, скажи, Люрен! Если ты прилетел из страны, где никогда не светит солнце, если ты вырвался из черного шатра духов, оборвав все завязки выхода, дай ответ... Если ты промчался через челюсти каменной ловушки, где сходятся две великие земли и сплетаются пути народов, дай ответ! Я зову, я ищу тебя...

Голос Каляи зазвенел, как металл, и оборвался.

Сквозь легкую, как зыбь, дробь бубна слышался другой голос, юный и слабый. Это не была песнь, — отрывистые, взволнованные слова вырывались, как стоны. Доктор невольно подумал о больной Иленеут. Бубен умолк на минуту,

затем издал резкий, надрывный звук, еще и еще... Теперь по ним ударила другая рука.

— Зажги огонь, Аканга! — раздался повелительный голос Каулькая. Звук бубна оборвался.

Неверный свет моховой светильни озарил полог. Доктор взглянул в сторону Каляи. Женщина лежала ничком на меховой подстилке, а за нею, прислонившись к стене ящика, сидела Иленеут с огромным бубном в одной руке и с колотушкой в другой. Она казалась зачарованной; устремив мимо людей пустой взгляд длинных, золотистых, как миндалины, глаз, она чутко прислушивалась к чему-то за стенами шатра.

Старый Каулькай печально покачал головой и, коснувшись плечом плеча доктора, указал ему глазами сперва на безжизненно распростертую Каляи, затем на Иленеут.

— Руки мои сильны и глаза служат мне верно, — сказал старый охотник. — У меня сын, на которого я могу опереться, как на посох, и второй сын подрастает. Не надо Иленеут родниться с бубном. Оттого она не ест и не пьет, оттого работа тяжела для ее рук.

— Зимняя ночь долгая, — робко заговорила старая Аканга, заступаясь за дочь. — Сети починены, упряжь починена, одежда починена и новая сшита, шатер починен, нитки приготовлены, что тогда делать девушке?

— Пусть женщина молчит, когда говорит мужчина, — строго проговорил Каулькай.

Доктор подумал, что пора сделать то, ради чего он пришел: осмотреть больную Иленеут. Но в пологе негде было повернуться, а из при-

сутствующих, повидимому, никто не собирался уходить. Каулькай угрюмо смотрел на пламя свети́льни. Старая Аканга, грустно покачивая седеющей головой, гладила всклокоченные волосы маленького Рультета. А Иленеут, припав ухом к стенке полога, напряженно к чему-то прислушивалась.

— У-у-у, — вторила она завыванию ветра. — У-у-у... Собаки быстро бегут по ветру... Нет... снег слепит им глаза. Они рады были бы зарыться в сугроб. У-у-у... Собаки воют... Это к беде... как они воют...

Старая Аканга робко взглянула на мужа, на суровом лице которого залегли глубокие складки, и тихо ответила дочери:

— Наши собаки спокойно лежат за шатром. Эттыльгин накормил их мясом и жиром. Ты ослышалась, Иленеут.

— Они воют к беде, — с тоской повторяла девушка.

Теперь и доктору показалось, что у самых стен шатра он слышит тихий, жалобный вой. Чуткий Эттыльгин беспокойно поднял голову и прислушался. Да, сквозь плач и завывание бури все отчетливее слышался вой собак.

Быстро натянув малицу, он выполз из полога. Каулькай тоже очнулся от своей думы и, не говоря ни слова, вышел следом за сыном.

— Это к беде, — повторяла Иленеут.

Вой становился все громче. Он доносился откуда-то издалека, и ему вторил жалобный вой у самого шатра. В этом печальном хоре одни голоса то нарастали, вплетаясь в гулкие порывы

ветра, то затихали, но другие, близкие, неумолчно изливали свою безутешную печаль.

Каляя говорила в полусне:

„Люрен, дух ветра, я звала тебя, я искала тебя, и ты пришел, Люрен“...

Доктор подошел к Иленеут и взял ее руку, чтобы пощупать пульс. Девушка, словно не замечая его, продолжала прислушиваться.

Дальние голоса приближались. Скоро у самых стен шатра, заглушая шум бури, завывли бесчисленные собаки.

Пола йоронги слегка приподнялась, резкая струя холодного воздуха, ворвавшись в полог, взметнула пламя светильни. Каулькай вернулся и молча сел на свое место.

— Старый Иорек не увидит на острове нового солнца, — заговорил он, опустив голову на грудь. — Иорек вернулся с северного берега, где много нерпы и медведей. Но дух болезни напал на него, и он уйдет туда, где солнце светит весь год... Собаки старого Иорека плачут по Иореке, потому что он уже никогда не будет кормить их из своих рук мясом и жиром нерпы...

„Иорек не увидит нового солнца“.

Старый айван ¹ Иорек умер. Он заболел на северном берегу. Охотившийся с ним вместе сын Апиляк привез его домой. Через четыре дня старик умер.

Тело его, одетое в смертную одежду, положили в наружном шатре на тюленьи шкуры. Лицо было почти закрыто капюшоном. У стены, на сложенном из камней очаге, горел огонь в чаше, напоминавшей серп месяца. У изголовья покойника на корточках сидела жена Иорека Анори и его сын. Из-за огромных воротников меховых балахонов едва виднелись их головы. Они жалобно и тихо причитали. Иногда соседи заходили поплакать над покойником. Тогда Анори и Апиляк начинали изливать свое горе в громких жалобах и причитаниях.

У стены шатра жена Апиляка снаряжала Иорека в дорогу. На узкие нарты с высокой дугой она складывала его одежду — тимиак ² из птичьих шкурок, анорак ³ из оленьего меха,

¹ Айван — эскимос.

² Тимиак — фуфайка из меха или из кожи.

³ Анорак — верхняя рубашка из меха.

меховые чулки. Сверху она положила гарпун, лук, нож и посох. Все вещи она крепко привязывала тонкими тюленьими ремешками. Путь предстоял нелегкий.

— Зачем ты ушел от нас зимою, — плакала старая Анори, — как ты доберешься в темноте в царство мертвых? Скалы на пути такие крутые, ты поскользнешься, ты упадешь.

— Зачем ты ушел зимою? — вторил ей Апиляк. — Если ты сорвешься с утесов, ты умрешь совсем и уже не будешь есть тюленьи головы в царстве мертвых... и ты не увидишь солнца, которое не сходит с неба.

В Йоронге сегодня было свободно. Взрослые были заняты покойником. В пологе остались только внуки Иорека, — 11-летний Итихузук и маленькая Анук. За вчерашний день дети наплакались со старшими, и сегодня мать велела им остаться в пологе. Аайкапа, которую давно не поправляли, горела тускло и чадно. Но в пологе было еще тепло с ночи. Дети сидели в меховых трусиках, остальная одежда была развешена под потолком полога, на шестах. На полу, устланном мехом, стоял плоский деревянный поднос с мелко нарубленным мороженым мясом. Но дети не прикасались к еде, — они были заняты плетением на пальцах удивительных узоров из нити.

Итихузук опутывал петлями растопыренные пальчики Анук. Затем он ловко сдергивал разом все петли, продев в них свои гибкие пальцы, и во все стороны натягивал свободно свисавшие между петлями нити. В воздухе появлялись

изображения разных зверей. „Морж!“ радостно кричала Анук. „Нерпа, нерпу везут, много нерпы, ой, как хорошо!“. Итихузук лукаво подмигнул; таинственно заплетя вокруг пальцев Анук какой-то новый узор, он сдернул петли и, расправив в воздухе нитяное изображение, громко закудахтал. Анук была в восторге. „Ой, как хорошо! Кура!“ силилась она выговорить русское слово. „На большой байдаре таньгов, ой, как много!“

Нитяная кура хлопала крыльями, Итихузук заливался кудахтаньем. Дети в первый раз видели кур на судне, привезшем их на остров. Много интересного увидели они тогда на большой байдаре. Они ничуть не боялись, когда судно накренялось или со скрипом врезалось во льды. Итихузук сбросил петли нитки, курица обратилась в нитяный комочек. Он снова надел нить на пальцы Анук. В воздухе медленно закачался пароход с высокими трубами. „Ту-ту-ту...“ запыхтел мальчик, подражая шуму машин.

Анук устала; лениво потянувшись, она свернулась калачиком на меховой подстилке, на которую был положен меховой валик — чоть-чоть.

— Расскажи сказку, Итихузук! — попросила она. Итихузук умел рассказывать хорошие сказки. Он прилег рядом с сестрой и начал:

— Брат и сестра жили у моря. Отец их выехал на охоту, а морж клыком пробил каяк и убил отца. Они стали жить одни.

— Ой, одни, — печально повторила за ним Анук.

— Они съели мясо моржа. Жир сожгли в аайкапе. И у них не было мяса, не было жира для аайкапы. В яранге было темно и холодно.

— Холодно, ты говоришь? — переспросила девочка. — Итихузук, дай мне тимиак! — Анук почувствовала, что и ей холодно.

— Когда у них не стало мяса и жира, — продолжал мальчик, достав с шеста мягкую меховую фуфаечку, — они стали грызть моржовые кожи, которые отец приготовил, чтобы сделать к лету новый каяк. Потом грызли ремни, к которым отец привязывал собак. А потом у них нечего было грызть, и они ушли из своей яранги.

— В холодное время? — спросила Анук. — Ведь темно итти. Или они поехали на собаках? Итихузук подумал.

— Нет, — решительно сказал он, — собаки сдохли, когда их нечем стало кормить. Они пошли без собак.

— Сдохли. А куда они пошли?

— Они пошли искать такого места, где есть олени. Ведь мальчик еще не умел охотиться на

моржей и оленей. А накинута на шею оленя аркан он умел. И зарезать оленя умел. Он и подумал: „Надо поискать оленей“. Своего стада у него не было.

— Здесь у нас тоже нет стада. Здесь ни у кого нет оленей, — печально сказала Анука.

— Олени будут! Кителькут самый старый здесь и знает больше других, — задумчиво заговорил Итихузук. — Он рассказывал, что когда он еще был совсем маленьким, он слышал, что с этого острова на „Большую землю“ приходили олени, много-много оленей. Ну, они все и ушли отсюда. А теперь остались только рога оленей на берегу. Рога эти стали, как камень. Вот Кителькут и сказал начальнику: „Хорошо, когда у охотника есть сосед, который имеет оленей. Охотник отдаст соседу часть мяса и шкур лахтак¹ и моржей и получит от него мясо оленей для еды и шкуру оленей для одежды. И начальник сказал Кителькуту: „Если ты найдешь на острове мох для оленей, оленей можно привезти с „Большой земли“ на большой байдаре“.

— Если привезут наших оленей, мать сошьет для тебя анорак и штаны из оленьих шкур, сделает на них узоры из кожи собак и обошьет ворот и рукава мехом росوماхи. Ты будешь самый нарядный на нашем стойбище, Итихузук. Ты будешь сторожить оленей и не будешь выезжать в каяке. Море недоброе, а злые духи не хотят, чтобы ходили туда, где много нерпы. Дед пошел, чтобы привезти побольше нерпы,

¹ Лахтак — крупный тюлень.

а теперь ему придется жить под землей. Еще хорошо, если он там всегда будет досыта есть тюленьи головы... а если нет...

Анук всхлипнула.

— Итихузук, — попросила она, — посмотрим, что там в шатре?

Мальчик снял с шеста меховые рубашки. Одевать штаны и чулки не стоило. Они не смели выходить из полога, мать им не велела. Дети легли на пол, перед входной полкой и просунули головы наружу. Над покойником попрежнему голосили Анори и Апиляк.

— И вот ты ушел от нас зимою, когда ветер несется от края острова до края. И зачем ты пошел на северный берег? Дух берега рассердился на тебя, потому что он хочет оставить себе всю нерпу и всех медведей, а ты бил ее для нас... Здесь у нас нет даже оленей, чтобы заколоть их над твоей могилой...

Жалобы старших пробудили в душе Итихузука и Анук утихшее было горе. Слезы так и наворачивались на глаза от жалостных слов. Но дети не смели дать волю слезам и крепились. Скоро им стало холодно, — голые ноги под меховыми трусиками застыли, хотя и оставались в пологе. Они втянули головы, чтобы согреться. Но в пологе стало совсем холодно и темно; через приподнятую полу проник студенный воздух, а пламя аайкапы, которое уже с утра никто по-настоящему неправлял, почти погасло и отчаянно коптило. Тогда горе больно сжало сердце Итихузука и Анук. Крепко прижавшись друг к другу, они горько-горько заплакали.

Худое время.

Разрезали реттем шатра, чтобы вынести тело Иорека — так велит обычай.

Старого Иорека хоронили при свете фонарей. В твердом, промерзшем сланце могилу приходилось не рыть лопатами, а прорубать топорами и гатками. В узкую неглубокую яму рядом с покойником уложили копье, лук, гарпун, нож, посох и гатку.

Старая Анори с плачем и причитаниями бросилась к ледяному краю могилы. Эскимосские женщины хором голосили вместе с Апиляком.

Собаки, свободно впряженные в потяг, лежали в стороне, уткнувшись мордами в снег, и жалобно выли.

Итихузук и Анук тихо всхлипывали, держась за меховую кухлянку матери.

От света зажженных фонарей серый мрак казался плотным, как стена. В облачном небе едва мерцали звезды. Как неживой висел серп молодого месяца.

Почти все поселение собралось хоронить Иорека. Когда могила была засыпана, двинулись

в обратный путь. Впереди собаки тащили две нарты, связанные вместе. За ними длинной серой лентой тянулась процессия. Шедшая впереди собаковод, любимица старого Иорека, часто останавливалась, словно потеряв путь. Останавливались остальные собаки, останавливались нарты и люди. Анори каждый раз начинала громко причитать.

— Они хотят остаться с Иореком и вместе с ним идти в царство мертвых.

Апиляк подходил к вожатому, гладил собаку по голове, говорил ей что-то тихо и она снова медленно, через силу, шагала.

У шатра Иорека провожающие разошлись. Апиляк довел доктора и заведующего до дома фактории.

Через несколько дней Апиляк пришел к заведующему и попросил его одолжить ему фонари: лучшая собака из всей своры, вожатый, околела. Ее надо было отвезти к могиле Иорека.

— Она хотела уйти вместе с Иореком. Мы ее не пускали. Она пошла за ним следом.

Около заметенных снегом яранг, в тяжелом полумраке ночи без умолка выли и скулили собаки. Дул ли ветер, слепя глаза снежной пылью, наступал ли мертвенный покой, плыли ли над заметенной снегом землей густые, как дым, облака, светила ли с высокого свода круглая, красноватая луна — собаки тревожно и жалобно выли.

Хозяин выходил из шатра, подходил к собакам, пробовал их кормить из рук. Собаки не

прикасались к еде; они лежали, уткнувшись мордою в густую шерсть на груди. Хозяин звал их по имени, они поднимали морду, смотрели в глаза человека умными глазами, а когда хозяин, печально покачав головою, уходил обратно в шатер, они снова затягивали свою жалобу, тягучую, как полярная ночь.

— Пришло худое время для собак,—говорил охотник, садясь на свое место возле аайкапы. — Злой дух наслал на них болезнь. Худо, если у нас не станет собак. Где возьмем? Негде выменять на нерпу. Ой, худо!

Вой собак мешал спать. Хозяин снова выходил, осматривал каждую собаку, становясь перед нею на корточки. Вздыхал и уходил в ярангу.

На-утро он находил на снегу окоченелый труп собаки, и еще жалобнее выла свора,

Смерть выхватывала лучших собак. У айвана Матвея околел любимый пес, которого он на „Большой земле“ целое лето натаскивал для охоты за песцом, — и как Яяк умел загонять песца! На острове не было второго такого пса.

У старого Кителькута околел вожатый, который в непогоду и пургу находил дорогу и не раз вместе с хозяином сутками лежал под сугробом снега, пережидая пока пройдет буря. Они согревали друг друга,—старый Кителькут и его верный спутник, длинношерстый, белый, как снег, Тумбе.

— Как будем ездить, если не станет собак? — Только и разговору, что о собаках. Как серые тени, переходят от шатра к шатру косматые

фигуры, — раз уж надо выйти из яранги и про-
вести собак, так уж заходят за-одно к соседям.
Вползает гость в наружный шатер.

— Ты пришел? — спрашивает из полога
хозяин.

— Пришел! — отвечает гость.

Входит. Молча курят трубки. Тяжело взды-
хают между двумя затяжками.

— Настали худые времена, — говорит гость. —
В моей своре не стало двух собак. У Рультувия
околела собака, у Матвея, у Кителькута, даже
у Кытлепа околел пес, — жена шаманка, а не-
счастья не смогла отстранить. Не сосчитать,
сколько околело собак.

Маленькая Анук слушает, как старая Анори
сплетает печальную, страшную сказку о беде,
посетившей их семью, а затем и все стойбище.
Худое время пришло!

— Итихузук, мы оставили наших оленей на
Большой земле. А если собаки околеют, кто
будет возить нарты? — робко спрашивает Анук.

— Не бойся, Анук, — успокаивает ее брат. —
Я расскажу тебе, что Кителькут сказал отцу:
„Большое горе, когда умирает человек. Но было
бы еще большее горе, если бы не рождались
люди“. Отец сказал: „Я разрезал реттем моей
яранги, чтобы вынести покойника, но мне не
пришлось наложить знак нашего рода на голову
родившегося. В нашем шатре стало одним чело-
веком меньше“. Кителькут ответил отцу: „Апиляк,
ты думаешь только о своем шатре, а новый чело-
век родился в шатре твоего соседа. Остров, на
котором мы живем, — это большой шатер, и

в нем не стало меньше живых людей: ушел старый Иорек, родилась маленькая Нулинга. А Большая земля, с которой мы приехали, — это еще больший шатер, и в нем не становится меньше людей, потому что одни умирают, а другие рождаются“. Я думаю, Анук, что и с собаками будет также, надо только подождать, — родятся другие собаки и к новой зиме у нас на стойбище будет столько собак, сколько мы привезли с Большой земли. Надо только подождать.

— Надо подождать, — вздыхает Анук.

На меховой стенке полога огромная тень раскачивает головой; наклонив над аайкапой изрезанное складками лицо, старая Анори что-то неслышно наговаривает над огнем.

Праздник солнца.

— Да, если бы у нас было радио, совсем другая была бы жизнь, — размышлял за ужином доктор. — На-днях — „праздник солнца“. После долгой полярной ночи снова покажется солнце. Ах, если бы у нас было радио, то-то бы нас засыпали телеграммами и приветствиями, — и Академия наук, и наши полярные станции, ближние и дальние, и старые зимовщики, которые на своей шкуре испытали, что значит эта проклятая полярная ночь... Да, плохо без радио.

— Ну, если другие не могут нас поздравить, справим сами „праздник солнца“ — предложил заведующий.

— Это идея. Давайте отпразднуем возвращение солнца!

— Я думаю, — заметил заведующий, — что больше всех любит солнце эскимос. Знаете, как эскимосы объясняют смертность человека? Первые люди, ну, скажем, эскимосские Адам и Ева поспорили. Женщина говорила, пусть всегда будет ночь, но пусть никто не умирает на земле.

А мужчина сказал, пусть будет и день, и ночь, и пусть люди умирают. И природа устроила так, как хотел мужчина, который за солнце отдал бессмертие.

— А я вам расскажу, что говорится о солнце в чукотской сказке: там тоже первоначально на земле была вечная ночь, а солнце тем временем лежало в виде мячика в шатре злого духа Кэлэ. Но ворон Куркыль похитил этот мяч и дал людям солнце. С тех пор ворон у людей в большой чести, то-есть не у людей вообще, а у чукчей, или „настоящих людей“, как они себя называют.

— Видите, какая любовь к солнцу! Лишить человека этого высшего блага может только злейший враг человека, злой дух Кэлэ. И при этом заметьте, как терпеливо они переносят полярную ночь.

— Да, — сказал доктор, — в этом отношении они многому научили меня за эту зиму. И научили меня, по правде говоря, чукотские ребята. Бывало кто-нибудь у них заболит; приходит за мною сам хозяин или взрослый сын. Ведет меня, как слепого, и действительно, я чувствовал себя слепым и шел с закрытыми глазами. Осмотрю больного, ну, посижу, надо собираться домой. И кто же вызывается меня провожать? Какой-нибудь карапуз, у которого, как говорят наши здешние охотники, макка волочится, или который не умеет завязать свои штанишки. И как уверенно шагает! Такие прогулки были мне полезны также и в другом отношении: я пополнил или, выражаясь мягко, освежил свои скудные познания по астрономии. Ведь эти ребята отлично знают

все созвездия. Укажут Полярную звезду, Унп-энгер, а от нее сразу находят и Венеру, и Арктур, и Вегу, и Большую и Малую Медведицы. Эскимосские ребята слабее насчет звезд, но зато они владеют другим искусством, — они изумительно рисуют карту местности. Я читал о том, что канадские эскимосы показывали путешественникам карты течения неисследованных рек, и эти карты поражали своей точностью. Но ведь по этим рекам они плавали всю жизнь. А сынишка Матвея начертил мне карту южного и восточного берега после того, как он один раз проехал с отцом в байдаре до мыса Уоринга и обратно. Ведь какая нужна наблюдательность! Какие бы из этих ребят вышли следопыты, если бы они жили не в голых тундрах и ледяных пустынях, а где-нибудь в лесных дебрях! Но и здесь на острове они занимаются кладоискательством — ведь сколько они собрали мамонтовых клыков. И знают же где и что искать! Говорят, что совсем маленькие мальчуганы помогают старшим в промысле, только что сами не бьют зверя. Правда, я этого не видел. По приезде мне было некогда, а затем настала эта проклятая ночь, и ребята вместе с охотниками залезли в полог.

— Да этой осенью и промысел-то был скудный. Повидимому, наши предшественники, канадские эскимосы, которые хозяйничали на южном берегу в 1923/24 году, порядком истребили зверя. С наступлением весны я расселю охотников и прежде всего пошлю партию на северный берег.

— О-о, если бы вы меня послали с этой партией! Вот я был бы рад! Кое какие приборы для наблюдений я взял бы с собою, а с остальными великолепно справится Павлов, так что в этом отношении никакого перерыва или пробела в моей работе не было бы...

— Да поезжайте, голубчик, это будет очень кстати. Ведь они вбили себе в голову, будто дух, живущий на северном берегу, посылает болезни на тех, кто осмеливается посещать его владения, а тем паче бить там нерпу и моржей. Иорек поехал охотиться,—заболел и умер. Я поехал, но не охотился, поэтому отделался болезнью, но не умер. А ведь я, действительно, расхворался сразу по возвращении с северного берега. Как на зло и Павлов тоже расхворался после поездки на север. Но если им станет известно, что вы собираетесь поехать, их страх сразу же наполовину рассеется.

— С радостью поеду. Только вы уж сами поговорите, чтобы мне к кому-нибудь присоединиться. А то я боюсь, что на нашем острове жить бобылем еще труднее, чем в городе.

— Еще бы, вы и дня не проживете один, сразу обратитесь в ледяную сосульку. Поезжайте с семьей старого Рультувии. Ведь его внук, этот пострел Кмекай, с первого же дня покори́л ваше сердце.

— Ну, в таком случае мне беспокоиться не о чем: Рультувия не откажется принять меня в свой шатер.

Гадание на тюленьей лопатке.

Рультувия обещал заведующему с наступлением светлого времени перебраться на северный берег. Рультувия знал, что ему нелегко будет уговорить семью. Правда, его сын, сам предпочитавший охотиться на пушного зверя, советовал отцу уйти туда, где больше нерпы. Но старая Оттва не хотела переезжать на северный берег. А невестка находила, что лучше оставаться на общем стойбище, чем ставить свой шатер там, где и соседей нет, чтобы поболтать. Но Рультувия решил искать новых мест для охоты: тюленей на южном берегу стало мало и они стали пугливые. Научились чуять человека. Выезжать на охоту в каяке, как это делали айваны, Рультувии было трудно, для этого он был стар. Правда, Рультувия умел не хуже молодого охотника бросить гарпун; костяной или металлический наконечник впивался крючьями в тело животного и соскакивал с древка; тогда Рультувия настигал раненое животное и приканчивал его метким ударом копья. Но тюлень издыхая отчаянно отбивался, метался, стараясь уйти в воду. Удара раненого

животного было достаточно, чтобы перевернуть утлый каяк. Когда Рультувия был помоложе, он этого не боялся, — не раз ему удавалось выплыть из-под опрокинутого каяка. Но годы взяли свое...

Теперь Рультувия предпочитал охотиться не с каяка, а на льдинах. В весеннее время, когда солнышко начинало выше подниматься и дольше оставаться в небе, тюлени через отдушины выходили погреться на лед. Опытный, старый охотник, бродя по береговому припаю, и без собак умел найти скрытые под наметенным снегом отдушины. С ног до головы одетый в тюленьи шкуры, с лоскутом белого меха на голове, Рультувия по много часов лежал распластавшись на берегу против отдушины нерпы, — сам похожий на нерпу, он караулил зверя. Когда над прорубью появлялась голова тюленя, он весь замирал от нетерпения. Зверь выползал через отдушину и ложился на лед, чтобы понежиться на солнышке. Рультувия не сразу срывался с места, — он ждал, чтобы ленивое, неуклюжее животное повернулось к нему спиной. Тогда охотник, прижав к себе длинное копье, осторожно сползал с берега на припай. Он полз на животе, изредка приподымаясь на четверенки, чтобы лучше разглядеть зверя. Кроме длинного копья, он держал в руках небольшую палку, заканчивающуюся высушенной лапой тюленя. Этим скребком он время от времени царапал лед, подражая нерпе.

Нежащийся на солнышке ленивый зверь не поворачивал морду. Рультувия подползал совсем близко к своей добыче и; привстав на колени,

он поднимал копьё и твердой рукой наносил тюленю удар в голову. Наконечник, вонзившись в тело тюленя, соскакивал с древка копья. Теперь раненный зверь был в руках охотника. Наконечник впивался страшными крючьями; нерпа билась, крючья еще глубже входили в тело. А Рультувия ловко подтягивал длинный ремень, привязанный к середине наконечника, и тащил обесиленного тюленя к берегу.

Да, в охоте на тюленя со льдины Рультувия мог еще потягаться с молодыми охотниками, многие из которых за последние годы сменили копьё предков на русские и американские ружья. Поэтому весной Рультувия чувствовал приток сил, словно с солнцем к нему возвращалась молодость.

Вот и теперь Рультувия первый откликнулся на предложение заведующего расселиться и промыслять в различных частях острова. Старая Оттва, жена Рультувии, сначала покорно выслушала решение мужа. Но скоро в соседних ярангах стало известно, что Рультувия со всей семьей и с малыми детьми хочет ехать на северный берег, в сторону злого духа, наславшего болезнь и смерть на айвана Иорека.

В пологе Рультувии покоя не стало от посетителей. Одни и те же соседи по много раз приходили предостеречь старого охотника. Он любезно предлагал им покурить, протягивая свой кисет, но на все советы отвечал упрямым молчанием. Когда женщины из шатра Рультувии выходили утром выколотить полог, хозяйки соседней яранги бросали работу и подходили к

яранге Рультувии, чтобы напомнить, как страшен дух, живущий на северном берегу и насылающий болезни и смерть.

Старая Оттва решила спросить духов, охраняющих домашний очаг семьи. Рультувия не возражал.

— Несчастье может притти отовсюду, — сказал он.

— Я обещал, что поеду на тот берег, и я поеду. Но я не сказал, на каком краю берега я поставлю свой шатер. Пусть это укажет тебе Итхымк-укгун ¹.

Но Оттва не хотела вопрошать гадательный камень. Она больше верила гаданию на тюленьей лопатке.

¹ Итхымк-укгун—гадательный камень, привешен на шнурке к палке. Задают вопрос. Затем поднимают палку. Если камень неподвижен—это значит, что дух отвечает „Да“, если камень раскачивается, значит дух отвечает „Нет“.

Соседи собрались рано, когда солнце еще не успело скрыться за синеватый хребет ледяных гор. Площадка, где стоял элукын, камень, на котором женщины дробили мерзлое мясо и лед, была расчищена, и в середине ее было устроено небольшое возвышение из снега. На нем стояла плоская каменная чаша, служившая блюдом. В ней лежали угли. Рядом на снегу лежала связка амулетов, „отстранителей несчастья“. Эта связка напоминала ожерелье какого-то сказочного великана. На крепкую нитку, ссученную из сухожилий, были нанизаны почерневшие деревянные фигурки: обернутая шкурой палочка, засохшая голова птицы и грубо вырезанное подобие человеческой головы.

Солнце ушло за горы. Надо было ждать, пока не погаснет розовый отблеск зари. Когда снеговые хребты гор легли белым вечерним узором на посеревшем небе, собравшиеся встали кольцом вокруг чаши. Старая Оттва положила в нее несколько черных угольков, затем достала из-за пазухи семейное огниво „быр-быр“, небольшую деревянную фигурку, напоминавшую человека, и деревянную круглую палочку-сверло. Все умолкли. Старуха не спеша стала тереть палочкой о брус. Долго, терпеливо вертела она сверло, пока, наконец, в бруске, в глубине ямки, не затлелся огонек. Старуха поднесла к добытой с таким трудом искре сухой уголек из чаши и осторожно дохнула на него. Когда в уголке зазмеился алый жар, Оттва опустила его обратно в чашу. Взяв из рук стоявшего рядом Рультувии белую, плоскую кость, она положила ее на уголья. Это

была тюленья лопатка. Наклонившись к краю чаши, Оттва стала дуть под лопатку, чтобы не дать потухнуть огню. Скоро в середине лопатки появилось черное пятно, которое стало медленно расползаться в длину. Затем послышался легкий треск, — в кости образовалась ветвистая трещина.

Гадание было закончено, дух покровитель дома, дал ответ, куда должен ехать Рультувия и что его ждет в пути.

Ответ этот надо было прочитать по линиям трещины. Оттва вынула из чаши лопатку. Рультувия, присев на корточки, раздул уголья. При их колеблющемся неверном свете Оттва стала рассматривать образовавшиеся на лопатке щели. Вдоль длинного бугра, делящего лопатку на две части, шла большая трещина. В верхней части лопатки от нее отщепилась маленькая трещинка, проходившая над окончанием бугра почти до верхнего края кости. Другая черта отходила к правому краю лопатки. Дух, охраняющий семью Рультувии, дал знать, что можно ожидать удачи в промысле на море и что кроме того предстоит также удача, которая придет с горного хребта. И пока еще не погас огонь, добытый семейным огнивом, Рультувия сказал перед собравшимися:

— Дух берега получит от меня в жертву первую нерпу, какую мне удастся убить.

Теперь Рультувия знал, на каком краю северного берега ему следует разбить свой шатер: удача, которая приходит с горного хребта, означала обильный лов пушного зверя, и эту удачу охраняющий его семью дух сулил его сыну.

А песцов, которых промыслял Куэльгин, больше всего водилось среди отрогов хребта, спускавшихся к северо-восточному берегу острова. Руль-тувия был рад этому указанию, — а еще больше был рад Куэльгин. Он знал, что у восточного берега он в изобилии найдет плавник, бревна, приносимые течением из устьев сибирских рек. Из бревен он сможет ставить пасти для песцов и таким образом добудет больше шкур, чем одними капканами, с которыми ему на острове что-то не везло. Можно было ехать южным берегом мимо мыса Гавай и подняться вдоль восточного берега на север. Но был более короткий путь — перевалить через горный хребет, достичь северного берега и вдоль него ехать на восток, в сторону рассвета.

В страну ветра.

Была еще ночь. Но часа через два предстояло пуститься в путь. Около шатра Рультувии в предрассветной мгле возились люди в широких дорожных одеждах. Утварь и снаряжение были уже погружены на длинную нарту. Теперь предстояло разобрать ярангу. Хозяева соседнего шатра вышли помочь уезжавшим.

Собаки лежали полукругом на земле. Рультувия вынес из шатра мешок с нарубленными кусками тюленьёго мяса и жира. В полумраке он вглядывался в силуэты собак. Некоторые собаки, любимцы Рультувии, особенно же вожатый, привыкли есть только из рук хозяина, и Рультувия не хотел обидеть их, положив им куски на снег. Остановившись перед вожатым, он присел на корточки и пристально посмотрел в умные собачьи глаза. Затем он медленно поднял палец вверх и указал на светившую в небе Полярную звезду.

— Утель, — сказал он, не опуская руки, — видишь Унп-энгер¹.

¹ Воткнутый кол — так называют чукчи Полярную звезду.

Собака подняла узкую морду. Тогда медленно опуская вытянутую руку, Рультувия указал прямо на север. Теперь он знал, что ему не придется бежать рядом с вожатым и покрикивать: „Ует-ует“ (вправо), „кхрр-кхрр!“ (влево). Утель сам найдет дорогу на северный берег.

Оттва вместе с невесткой выносила мешки с запасами и складывала их на вторую нарту. Они ловко привязывали мешки к задней, крепкой части саней. Передняя часть, узкая и легкая, как у лыжных санок, служила сидением. „Гей! Гей!“, поторапливал хозяин. Пора было складывать ярангу. Однако, стоявшие у шатра фигуры в широких меховых балахонах оживленно размахивали руками, но за дело не принимались. Надо было отвалить камни, снять реттем с поддерживающих его шестов и жердей и отвязать его от вбитых в землю кольев.

Из шатра вывели детей и усадили на связанные большими кипами шкуры полога и меховые подстилки. Но дети, напоминавшие меховых мишек, мигом скатились с узлов и бросились к нартам.

Собравшиеся у шатра соседи не спешили. Они не прочь были помочь Рультувии, но разбирать шатер — это дело женское, и мужчины смеясь понукали чукчанок: „Гей! Гей! Го!“ Но бабы только без умолку тараторили и размахивали широкими рукавами.

Наконец, Оттва с невесткой перетащили все мешки и принялись за ярангу. Крепко выругав праздных соседей, они быстро отвалили камни. Тут уже все, как по сигналу, бросились помо-

гать. Одни отвязывали веревки внутри шатра, другие распутывали узлы ременных завязок. Ловкий Аяк, как кошка, вскарабкался по веревке к верхушке шатра и отвязал шкуры от сходящихся пучком шестов и жердей.

Подошел Куэльгин. Он тащил на плечах вещевой мешок с пожитками доктора, который шел за ним следом. Дети, как мячики, покатились прямо под ноги доктору.

— Картинка из эпохи переселения народов, — пробормотал доктор, предусмотрительно снимая свои большие очки, — он знал что через минуту ребята будут сидеть у него на плечах или на голове.

Уже почти совсем рассвело. „Воткнутый кол“ исчез с неба. В сером, холодном полумраке выстраивалось шествие. Три нарты были связаны длинными ремнями. В потяг, привязанный к передней нарте, были впряжены собаки — по две через каждые полтора метра, — всего семь пар. Утель, вожатый шел без пары и был привязан к переднему концу потяга. Доктора с его любимцем Кмекаем, усадили впереди мешков с провизией. На третью нарту перед тюками с реттемом и пологом уселись Оттва и невестка с младшим сыном. Мужчины должны были идти пешком и поддерживать нарты, — предстояло ехать без дороги и перевалить через горный хребет.

Пока шли сборы, отъезжавшие работали с непокрытой головой. Теперь они надели дорож-

ные чимбырбыкале, капюшоны из пушистого волчьего меха с огромными ушами.

— Совсем как головной убор древних германцев, — подумал доктор. Он оглянулся. На месте шатра чуть светил огонь очага и стояли вбитые в землю колья. Хозяин подошел к очагу. Чукчанки притихли, наступило молчание. Рультувия взял стоявшую на земле возле очага деревянную чашку и молча подошел с ней к Утелю. Он присел перед собакой на корточки, обратившись в ту сторону, в какую недавно указывал с неба „Воткнутый кол“. Склонившись лицом к запорошенному снегом льду, он заговорил с землею серьезно и торжественно.

— Земля, — сказал он, — мы едем на другой берег. С нами маленькие дети: Приведи нас благополучно туда, где мы сможем бить нерпу и моржей. Не посылай тумана, ветра и снега. На том берегу я отдам тебе сердце первой нерпы, какую убью.

Затем Рультувия встал, взял из чашки пригоршню мяса и жира и бросил на север, вторую пригоршню он бросил на юг, третью на восток, четвертую на запад.

Теперь можно было тронуться в путь. Не дожидаясь приказания, Утель налег грудью на ляжку и натянул потяг.

— Так переезжали наши предки за тысячи лет до нас!, — подумал доктор и крепче прижал к себе зашитого в мех маленького Кмекая.

Вести с северного берега.

— Если бы вы только знали, что это была за великолепная поездка, — рассказывал за ужином доктор. — Кроме всего прочего я постиг премудрость чукотского хозяйства.

— А охотиться на тюленей вы научились? — смеясь спросил заведующий.

— Представьте себе, что нет. Это надо было уметь заранее, а так как я этого не умел, то неизбежно попал на женскую роль. Они хитрые, эти чукчанки! В первый же вечер, как бы шутя, молодая научила меня поправлять светильню аайкапы. А когда я научился, то неловко было этого не делать. По правде говоря, хозяйки без дела не сидели, — у чукотских женщин больше работы, чем у мужчин. Чукча выволочет нерпу на берег, а затем его работа кончена, остальное должны делать женщины. А вы себе представляете, сколько дела с этой самой нерпой? Весною она особенно жирная. Надо этот жир отделить, затем снять мясо. Мясо надо нарезать полосами, заморозить. Часть жира надо перетопить и разлить по пузырям. Нерпичьи кишки надо

высушить над аайкапой, пламя которой я поддерживал, как древний жрец. Да, я забыл еще упомянуть про ласты нерпы; их вешают в теплый полог и, когда они в меру загниют, их едят как лакомство.

Но это еще далеко не все — костяк нерпы тоже не должен пропадать: его варят, варят без конца и вываривают из него крепчайший бульон, который хранят в замороженном виде. Пока женщины со всем этим возятся, мужчины преспокойно лежат на солнышке, пока оно светит, а то залезают в полог и курят, когда и без того дышать нечем. А женщинам только и отдых, когда мужчины уходят за песцами. Тогда они сидят в пологе, но тоже не бездельничают, а работают аутом¹ — счищают кожи.

— Я вижу, что вас сагитировали в свою пользу чукотские женщины. Ну, а ваш Кмекай вам не надоел своими проказами?

При имени своего любимца доктор улыбнулся.

— Кмекай меня подвел. Его мать—это такая шельма! Знает, что я люблю мальчишку, так она заодно подкинула мне и младшего. Ведь какая,— работает, как вол, но при этом ни на минуту не перестает тараторить, как сорока. А когда подъехали ее родичи и поставили рядом свою ярангу, тут пошла такая трескотня, что я был рад, когда мог остаться без них с ребятами. Вот я и оказался в роли няньки. Но ребята молодцы,— я с ними совершал настоящие экскурсии. Осо-

¹ Аут — нож для скобления кожи.

бенно мы любили ходить смотреть птичьи базары. Это действительно интересно. Представьте себе целые скалы, сплошь покрытые птицами. Но что за гам, что за гвалт! Невообразимо. Тут и гагары, и гаги, и гуси, и чайки, и кайры. Эти птичьи базары на островах Ледовитого моря не раз спасали потерпевших крушение от голодной смерти. Впрочем птичьи базары острова Врангеля расположены на таких высоких, крутых скалах, что нужно быть акробатом, чтобы достать яйца. Кмекай раз было полез и чуть не сорвался.

— Но, милейший доктор, вы не рассказываете мне главного, каков был промысел?

— Да откровенно говоря, у меня было такое впечатление, что наши охотники как-то еще не приспособились к местным условиям. Повидимому, и морской, и пушной зверь в каждой местности имеет свои отличительные черты, с которыми охотнику приходится считаться. А у наших чукчей и айванов охота происходит, как какой-то обряд, по строго установленным правилам.

— Это вы насчет древних приемов охоты за нерпой, с копьём и в одеянии, придающем охотнику вид нерпы?

— Нет, как раз нет. В этом приеме много театрального, но он дает отличные результаты. Я говорю об охоте на пушного зверя... Все они бросились на пушнину, а результатами похвалиться не могут...

— Что они бросились на пушнину — это вполне понятно, — ведь тюлени и моржи идут только на их хозяйственные нужды и на прокорм собак,

за шкуры же песцов и медведей мы им сверх общего пайка даем табак, чай, сахар и снаряжение. А наши продукты, конечно, им больше по вкусу, чем мороженная нерпа. Но странно, что с песцом у них дело не ладится. А между тем ведь мы главным образом возлагали надежды на песцовую охоту. Но в чем тут дело? Ведь их не поймешь, — они и удачу и неудачу объясняют всякими приметами, колдовством.

— А я думаю, что дело очень просто: повидимому, здешний островной зверь имеет свои особенности, а они с этим не считаются, — привыкли из поколения в поколение к материковому зверю и не хотят ни в чем отступать от заветов предков. Вот вам пример: Кытлеп, муж шаманки Каляи, тот догадался, что если песец плохо идет на его приманку, значит надо попробовать класть другую приманку. И действительно, после нескольких опытов он нашел, какая приманка по вкусу здешнему песцу, и с тех пор он редко возвращается с пустыми руками.

— А они объясняют его удачу шаманской силой Каляи?

— Конечно! Ну а Кытлеп не заинтересован в том, чтобы их разуверять. Наоборот, для отвода глаз они в своем шатре шаманили каждый день.

— Ну, на эти проделки мы сумеем им открыть глаза. И научить их тоже сумеем. Главное, то, что остров действительно богат зверем, более богат, чем мы ожидали. Значит мы сможем расширить колонию и совершенно по-новому ее организовать. Перенесите мысленно на не-

сколько лет вперед. Остров Врангеля—это база, станция на трансарктическом воздушном пути. Здесь имеется склад бензина, причальная мачта для дирижабля, дозорная башня, с которой следят за приближающимися воздушными кораблями, распознают их позывные сигналы. Здесь для пополнения запасов горючего останавливаются огромные цеппелины с пассажирами. Сюда доставляют большие пакеты газет, книг, писем. На острове живут не одни охотники на морского и пушного зверя,—геологи тем временем установили, что недра острова изобилуют ценными рудами, быть может, даже золотом... Вы смеетесь доктор? Напрасно! В этом нет ничего невероятного. Остров Врангеля в геологическом отношении тесно связан с Чукотским полуостровом и с Аляской. Ведь когда царское правительство продало американцам Аляску за 14 миллионов, оно и не подозревало, что отдает богатейшие медные и железные рудники и золотые россыпи. Оно знало только про рыбу, которую некуда было девать. Кто знает, не окажется ли остров Врангеля маленьким Клондайком, а мы с вами — пионерами этого Клондайка. Вам это кажется невероятным?

— Нет, отнюдь нет. Я сомневаюсь только насчет россыпей золота. А в остальном я готов идти еще дальше, чем вы. Отбросим вопрос о связи с Аляской. Подойдем с точки зрения того, что представлял собою наш остров в прошлом. Ведь вы знаете, что недавние исследования угольных залежей на Шпицбергене показали, что в весьма отдаленные геологические

периоды на этой земле, расположенной значительно севернее острова Врангеля, произрастали саговые пальмы, папоротники вышиною с нашим домом и так далее. Повидимому, Шпицберген некогда находился в тропическом поясе. Но ведь в таком случае наш остров тоже находился в тропическом поясе и был покрыт роскошной растительностью. Здесь, где мы сейчас сидим, была чаща леса, а в ней, обессиленные зноем, бродили звери, от которых ко времени появления мамонта не осталось и следа.

Теперь и Шпицберген, и остров Врангеля находятся в поясе вечной мерзлоты. Как совершилось перемещение поясов, а следовательно и полюсов, об этом у ученых существуют различные предположения. Но, во всяком случае, одинаковое климатическое прошлое Шпицбергена и острова Врангеля заставляет думать, что недра нашего острова так же богаты каменным углем, как и недра Шпицбергена. И вот в это „черное золото“ я, действительно, верю. Простите, что я так называю уголь, когда принято называть так нефть. А представьте себе на минуту, что у нас найдены каменноугольные залежи. У нас в избытке уголь — источник механической энергии. Наши охотники уже не мерзнут в своих жилищах, не сидят в чадных, прокопченных полах, не сжигают в аайкапах такой ценный продукт, как тюлений жир. Весь остров электрифицирован... И, может быть, это время не за горами...

— Пожалуй, вы захотите остаться на острове и ждать черного золота?

— Что же, если бы только солнце светило весь год, я согласился бы остаться здесь и ждать цеппелинов и „черного золота“.

— Доктор, вспомните эскимосскую сказку: Адам крайнего севера заплатил бессмертием человека за то, чтобы солнце светило полгода. О большем он не мечтал. А он ли не любил солнце? Не будем же и мы мечтать о том, что невозможно.

— Ну, тогда хотя бы радио!

— А радио нам доставит первое же судно.

На-утро ровно в 7 часов доктор вышел для наблюдений. Затем, вернувшись к себе, он снова лег. Усталость после вчерашнего путешествия давала себя знать.

В голове проносились какие-то смутные, легкие картины и куда-то исчезали, словно ныряли в глубину. Потом упрямо зазвучали ребячьи голоса и среди них изредка раздавались веские недетские слова.

— В тундре роостет много деревьев...

— Это ты, Степа, прочел по книжке или просто картинку объясняешь?

— Да оно доолжно подходить, а что-то не подхоодит. Не видал я, чтобы в тундре дерева росли...

— Да ты, братец, не мудри, а читай, а то передай книжку. Покажи Рультету, а что надо прочитать.

— В лыысу раастут соосны и елы, — слышался мягкий гортанный говорок.

— Что за навождение, — подумал доктор, — вчера говорили о будущем нашего острова, а сегодня мне снится школа! Когда в книгах мне случалось читать про такие сны о том, что будет, я всегда находил, что это выходит неестественно. А вот самому приснилось... Да нет же, ведь это наши ребята учатся. Вот так раз! Вчера хоть бы слово мне сказали... Вот сюрприз...

— Читай дальше.

— Гусыы ы уткыы нга прудду.

— Как раз, как наши кайры и гаги. Хоороошая картинка...

— Ты что, грамоте учишься или картинки рассматриваешь? — строго спросил взрослый человек.

Певучий голосок силился что-то сказать про баранов у забора. Потом голоса куда-то потонули; изредка всплывали переделанные на чужой лад словечки... „Букварь, букварь“... Завертелось колесом в голове доктора. „Павлов молодец, молодец, молодец“...

Усталость взяла свое, — доктор заснул. А за стеной ребята продолжали читать про деревню, про посевы, про покос.

— Ну, на сегодня хватит, — сказал, наконец, Павлов, кончая урок. — Букварь-то этот для вас не очень го́ж. Все в нем говорится такое, чего вы в тундре никогда и не видали. Хорошо бы особый написать букварь для вас, для тундряных ребят...

Гость с Большой земли.

Низко, низко расстился белый туман, словно облака упали и повисли над морем и над берегом. Как через потолок из молочно-белого стекла скупое светило солнце.

Иногда ненадолго белый полог разрывался, и тогда лучи солнца ударяли в море, как град огненных стрел. Но скоро белый полог снова наглухо затягивался.

В бухте было тихо, словно белый туман заглушил все звуки.

„Туман — спутник полярного лета, — думал доктор. — Это весьма скучная история. И, судя по всем данным, нет основания ожидать, что скоро прояснет“.

Где-то недалеко слышались приближающиеся ребячьи голоса, затоптали быстрые ноги.

— Ге! Ге! Рынтеу!

— Уай!

— Чго это они в прятки вздумали играть?

В белой мгле уплотнились фигурки с колеблющимися очертаниями.

— Яяк! Го! Яяк!

— Уай!

Что-то шлепнулось в воду.

— Неужели они вздумали купаться? Вот сорванцы!

Снова что-то бухнулось в воду, еще и еще.

Ребята заспорили на берегу и, стараясь пере-
кричать друг друга, упрямо повторяли одно и
то же слово:

— Мой!

— Нет, мой!

— Мой!

Спорили, спорили, наконец, на чем-то поре-
шили. Тяжелый предмет шлепнулся в воду и
сразу же за ним другой.

— Твой, Рынтеу! Твой! — закричали в голос
ребята.

— Да это они просто швыряют в воду камни,
кто дальше закинет. Хорошо, что нашли себе
хоть такое занятие для этого скучного сле-
пого дня.

Ребята гурьбой двинулись вверх по откосу
берега.

— Только бы они не вздумали устраивать
состязаний. Еще останутся без голов.

На несколько шагов ничего не было видно.
Из-за плотной, белой стены доносились перекли-
кающиеся голоса:

— Эге! Ге! Гей!

Но вот какой-то новый звук, жужжащий и
назойливый, влился в хор легких, перелетающих
слов.

Ребята сразу притихли, видно, прислушались. Затем посыпались удивленные восклицания:

— Какó! Ко! Кеке!

Назойливое жужжание, словно винт, врезалось в белый туман.

— Пропеллер! — мелькнула в сознании доктора обжигающая догадка. Сердце так застучало, что стало трудно дышать.

— Какая чушь! Самолет в такой туман! Да этот туман, наверно, покрывает пространство до самого материка. Нет, это галлюцинация слуха... нервы расшатались!

И все же явственно был слышен жужжащий звук пропеллера.

— Птица, птица с „Большой земли“, — донеслись возбужденные голоса ребят.

— Птица летит. Сейчас прилетит!

Доктор обтер со лба пот.

— Да, это самолет! Но как он совершит посадку в таком тумане?

... Это какое-то безумие... Надо подавать сигналы... Предупредить заведующего... Впрочем он сам слышит... Хоть бы на минуту рассеялся этот проклятый туман.

Возле дома фактории доктор встретил заведующего, Павлова и еще двух охотников.

— К нам гость с Большой земли! — радостно заговорил заведующий.

— Да, но как бы он не остался без головы! — волновался доктор. — Нельзя ли подать сигналы?

— Э, пустое. Какие сигналы? — Световые, —

костер — не увидит через туман, да еще днем; звуковые, — стрелять из ружей — тоже смысла нет; разве по звуку можно так точно определить место? Еще сядет неудачно. Уж пусть лучше сядется на воду. Ведь это, наверное, гидроплан...

Пропеллер жужжал совсем рядом, он то приближался, то медленно отдалялся.

— Словно птица, потерявшая гнездо! — печально вздохнул доктор.

— Смотрите, смотрите! Видать! Поплавки видать!

Белый полог поредел. Над берегом плавно парила огромная серая птица.

Вот, прорвав пелену редющего тумана, стрелами брызнули лучи солнца и серебром рассыпались на воде.

Самолет плавно опустился у берега бухты.

Гости с „Большой земли“. Их двое на „Юнкерсе“. Оба молодые, бодрые, веселые.

Привезли целые кипы газет, письма.

— Газет не перечтете и за целый месяц. Читайте письма, а о самых важных политических событиях расскажем вам на словах. Мы всего на один день. Прилетели с мыса Северного. Наша база — пароход „Колыма“, идущий из Владивостока в устье Лены. Кстати, это одна из последних новостей и имеет огромное значение для жизни Восточной Сибири, — мы совершаем первый пароходный рейс из Владивостока в устье Лены. Понимаете, какие это открывает перспективы для всей Якутской республики? Снабжение края с моря, сбыт сырья... Грандиозное начинание! Но трудная штука... Ожидаем чертовски

тяжелые льды дальше на запад от мыса Северного. Все это строительство среди льдов страшно увлекательно, но чорт бы их побрал, эти льды, эти туманы... А ведь победим, наверное, победим!... Мы вылетели целой экспедицией, на двух самолетах, но Савойя с начальником экспедиции что-то не долетела, — наверное, из-за тумана. Мы тоже едва добрались... Чертовский туман...

— Но как-то вы здесь живете? Здоровы? Цынги нет? Можно посмотреть, как живут охотники? Поведите, покажите! Здесь в бухте бьют нерпу? Вот если бы на наше счастье пожаловал белый медведь... Соскучались небось? Но выглядите молодцами. Мы-то вам какую работу задали! За один день надо произвести полную перепись всего населения острова и составить отчет о промысле. Мы это должны увезти с собой. Ведь раньше чем через год не ждите снова гостей.

На следующий день прилетел второй самолет „Савойя“. Из соседних бухт явились охотники, — гонцы на легких каяках отправились известить их о том, что с „Большой земли“ прилетели гости.

Но летчикам надо было спешить, — их ждали на „Колыме“, чтобы сняться с якоря и продолжать тяжелый путь среди льдов.

Тумана как не бывало, — весело сверкала на солнце вода бухты, брызги света играли на обнаженных изломах сланцевых холмов. Снеговой узор горного хребта четко рисовался в синем небе.

„Савойя“ и „Юнкерс“ заскользили по воде и, плавно взлетев в воздух, полетели к своему пловучему гнезду.

Полярная болезнь.

Маленькая Анук лежала у самой аайкапы. В пологе было душно, но она зябла под своим одеяльцем из оленьих шкур. Яркий свет аайкапы, которую мать заботливо поправляла, чтобы поддержать тепло, мешал ей, — девочка лежала с закрытыми глазами.

Итихузук сидел на корточках и старался развлечь сестру. Но всегда кроткая и ласковая Анук стала за последнее время капризной и раздражительной. Ей было трудно вытянуть руки из-под одеяла и потому Итихузук не мог делать для нее узоры из длинной нитки. Он старался занять ее рассказами. Он начинал одну сказку за другой, но Анук нетерпеливо его прерывала. Она хотела, чтобы он рассказывал ей об оленях, только об оленях, и об ее любимом олене Отти, которого впрягали в маленькие детские нарты... Как хорошо было кататься на нарте! Отти стал старше с тех пор, как они оставили его на „Большой земле“, рога у него стали еще длиннее и еще ветвистее.

Итихузук мог бы много рассказать об оленях. Но каждый раз, когда он начинал говорить об оленях, мать заливалась слезами, а старая Анори принималась причитать:

— Она все думает о наших оленях... Она хочет уйти от нас туда, куда ушел Йорек...

Бедный Итихузук не знал, что ему делать.

Доктор пришел с айваном Матвеем, который кое-как говорил по-русски. Доктор внимательно посмотрел на побледневшее личико девочки, на посиневшие, полузакрытые веки. Затем он осторожно приподнял край мехового одеяльца. На худеньких ногах вокруг колен появилась небольшая опухоль. Доктор хотел было посмотреть десны Анук, но затем вздохнул и только ласково погладил девочку по крепко затянутым к макушке черным, как смоль, волосам. У него не было сомнений. Снова на острове появилась полярная болезнь. В прошлом году переболело трое, — эскимоска, девочка Матвея, и старый русский помор. Но все они поправились. Что-то будет этой зимой? Мать Анук в безмолвном горе смотрела на девочку. Старая Анори жалобно причитала, закрыв лицо руками. Матвей старался ее утешить и говорил о том, как быстро выздоровела его дочь.

— Она хочет итти к Йореку, — плакала эскимоска.

— Если бы у нас были олени... я дала бы ей есть желудок оленя, и она бы поправилась... Здесь у нас нет оленей...

Доктор уловил знакомое слово и спросил Матвея:

— Что она говорит?

Матвей объяснил, добавив, что сам-то он не верит в такое средство против цынги.

— А я готов верить. Олень питается мхом, растительной пищей. Значит, в его желудке содержится как раз то, что спасает от цынги.

Матвей утвердительно закивал головой. Нагнувшись к плачущей Анори, он заставил ее поднять изрезанное горестными морщинами лицо и, потупившись, сказал:

— Он говорит, что вылечит Анук так, как вылечил мою Энни.

— Итихузук, — позвала Анук, — ты исправил мои нарты? Помнишь, Отти их поломал? — И не дождавшись ответа, девочка отвернулась к меховой стене и жалобно проговорила:

— Амераируи (олени ушли на юг). Амераируи...

Доктор возвращался с Матвеем. Луна через завесу быстро скользивших жемчужных облаков призрачным светом освещала ледяной берег бухты. Возле небольшого холмика с покосившимся крестом доктор остановился. Это была могила канадца Найта. Он умер здесь на острове от цынги. В 1921 году они пришли вчетвером из Канады, — это был отряд молодого Аллана Кроуфорда, присланный сюда, чтобы водрузить на пустынном острове британский флаг. Судно, доставившее отряд, ушло на Аляску, обещав в следующем году притти с новым запасом продовольствия. Но судно не пришло. Надежды на охоту не оправдались, — у них не было лодки. Они безгранично доверяли Стефансону, известному полярному путешественнику, который послал их

на это безрассудно смелое дело. А Стефансон утверждал, что хороший охотник не должен иметь больших запасов, — ему достаточно охотничьего снаряжения, чтобы в любой части Арктики просуществовать охотой на тюленей и белых медведей. Отряд Кроуфорда состоял из отличных охотников и имел оружие и порох. И все же через год перед ними встал призрак голодной смерти. Трое отправились по льду на материк и погибли среди ледяной пустыни. Найт был болен цынгой и остался на острове. Осталась также молодая эскимоска Ада, служившая в отряде поварихой и швеей. Когда следующей осенью пришло посланное Стефансоном судно с новым отрядом канадских охотников, труп Найта уже полгода лежал в меховом спальном мешке, а эскимоска доедала последний сухарь.

Но и Найт был не первой жертвой цынги на этом острове. Доктор вспомнил историю злополучного судна „Карлука“, в 1913 году раздавленного льдами к востоку от острова. Экипаж оказался на льду. Часть погибла, пытаясь достичь острова Герольда, часть ушла по льду к материку и тоже погибла. Остальные добрались до острова Врангеля. Из них двое умерли от цынги. Молодой Свенсон на своей китобойной шхуне спас оставшихся в живых.

— Цынга — самый страшный бич полярных стран... Надо бороться, всеми силами бороться! Цынгу удастся победить!

И доктор стал бороться. А бороться было трудно. Противоцынготные средства не всегда помогают и не на всех одинаково действуют.

— Растительная пища! Необходима растительная пища! И мы должны ее добыть! — говорил доктор заведующему.

— Если Нансен и Стефансон утверждают, что они отлично себя чувствовали, питаясь несколько лет подряд исключительно мясом тюленей и белых медведей, я им верю. Но не забудьте, какой они вели образ жизни, — постоянно в движении... Кроме того их одушевляла цель, — они жили в морях Арктики не ради промысла, а ради научных исследований. Душевный подъем безусловно предохраняет от заболевания цынгой. Но как его создать? Ведь мы-то должны иметь в виду не исключения, а общее правило. А как общее правило, человеку необходима смешанная пища. Да не только человеку, а всякому животному. Знаете ли вы, что наука утверждает, будто чисто плотоядных животных вообще не существует: животные, питающиеся мясом других животных, выбирают такие организмы, которые питаются растительной пищей.

— Но какие же выводы? Что мы должны делать?

— Найти на острове растительную пищу, потому что в той или иной форме она должна быть. Мы упустили сделать это в первое лето, зато тем более необходимо сделать это в ближайшее лето.

— Научите, мы мобилизуем все силы.

— О, для этого не придется отрывать от дела охотников, — достаточно женщин и детей, даже только детей. Я уверен, что-нибудь удастся сделать. В описаниях полярных путешествий,

даже очень старых, мы читаем о том, как выброшенные на ледяной берег мореплаватели, умирающие от цынги, оживали с наступлением лета, потому что им удавалось под корою льда найти стебли растений, которые они высасывали, и мох, который они жевали. Чукчи и эскимосы с наслаждением поедают содержимое желудка оленя и приписывают ему целебные свойства. Так отчего же им не извлекать те же питательные вещества непосредственно из мха и из лишайника?

— Если бы только это было так!

— Да я уверен, что это так. Ведь мы находимся на 71° северной широты, в поясе тундры. Конечно, сланцевые породы острова мешают обильному произрастанию мха, но какая-то растительная жизнь все же существует. Ведь казалось бы, что сибирская тундра тоже не изобилует растениями, а между тем хорошей чукотской хозяйке удастся обеспечить свою семью на целую зиму „овощами“.

— Итак, доктор, с наступлением весны мы мобилизуем детей на сбор полярных овощей?

— Да, мобилизуем детей! Я буду ими руководить. Кмекай находил на северном берегу различные виды мха. И заметьте, что работа, т. е. сознание того, что делаешь полезное дело, это само по себе отличное противоцынготное средство. Представьте себе, если на худший конец, чего я лично не допускаю, работой по сбору полярных овощей мы спасем от цынги хотя бы только детей, ведь и то труд наш не пропадет даром.

Амиарсуит... ¹ Байдара...

Стена дома защищала от ветра и, несмотря на то, что термометр показывал — 30°, доктор не чувствовал холода. Да пожалуй он не почувствовал бы в эту минуту ни бури ни метели. Он забыл обо всем на свете и, размахивая рукою, словно дирижер перед оркестром, следил за извивающимися в небе огненными вихрями. Ему казалось, что безмолвие ночи наполнено какими-то новыми, необыкновенными звуками.

С полночных стран встает заря

продекламировал он вслух стих Державина.

Огненные вихри взлетали от края неба к зениту и рассыпались сказочным фейерверком. Сколько раз за полтора года пребывания на острове доктор любовался северным сиянием, и каждый раз его охватывало непонятное волнение. Иногда, как сегодня, ему казалось, что он дирижирует каким-то огромным оркестром. Языки прозрачного пламени взлетая звенели, как струны

¹ Амиарсуит — по-эскимосски корабль.

скрипки, затем расплывались, бледнели, словно замирающие звуки контрабаса.

Внезапно доктор вздрогнул: он почувствовал на своем плече чью-то руку. Повернув голову, он увидел закутанную в мех фигуру; он не сразу узнал старого Анихитuka. Из-под мехового капюшона с изрезанного складками и морщинами темного лица смотрели зоркие глаза. Эскимос указал рукою на небо, затем глубоко, тяжело вздохнул.

— Амиарсуит... байдара... — произнес он и несколько раз отрицательно покачал головой.

Не понимая смысла слов, доктор почувствовал печаль старого охотника, который теперь задумчиво смотрел в сторону моря. Огни в небе потухли, опустилась серая холодная полутьма. Старик глубоко вздохнул и сделал несколько шагов. Но затем он вернулся. Теперь в его глазах светилось сострадание. Он ласково положил руку на плечо доктору, осторожно погладил его, словно жалея, и сказал мягко, как будто он говорил с ребенком:

— Амиарсуит... байдара... — и опять отрицательно покачал головою.

Теперь доктор понял: Анихитук предупреждал его, что в этом году нечего ждать судна. По огненным узорам в небе старый эскимос прочел, что море будет сковано тяжелыми льдами, через которые не пробиться самому крепкому судну. Проведя всю жизнь в борьбе со льдами, Анихитук знал много примет, которые еще никогда его не обманывали. Огненные вихри северного сияния сулили не радость, а печаль.

Тяжелыми шагами, словно придавленный грузом, доктор вернулся в дом.

У себя в комнате он достал толстую тетрадь, в которую заносил все сведения об острове Врангеля, почерпнутые им из книг. Он нашел страницу, на которой у левого края были столбцом записаны цифры.

1867 год. — Китобойная шхуна „Найль“ подошла близко к острову.

1881 год. — Американские суда „Корвин“ и „Роджерс“ достигли острова.

1911 год. — Судно Гидрографической экспедиции Дальнего Востока „Вайгач“ достигло острова и почти обошло его.

1921 год. — Высадилась партия Кроуфорда.

1923 год. — Шхуна „Дональдсон“ доставила на остров партию Нойса.

Это были удачные плавания. Далее следовали неудачные.

1914 год. — „Вайгач“ и „Таймыр“ тщетно пытались подойти к острову. Шхуна „Бер“ не могла подойти к острову.

1922 год. — Судно, посланное за отрядом Кроуфорда, не смогло подойти к острову. В четные годы остров был недоступен, в нечетные — доступен.

Ну, а 1924 год, когда у острова был „Красный Октябрь“?

А 1926 год, когда „Ставрополь“ доставил на остров поселенцев?

А что, если это только исключения? Острая тоска сжала сердце доктора.

— А что, если Анихитук прав?

На полярных огородах.

— Что за птичий базар! Да не галдите! Тише! Кмекай, если ты раздерешь макку, я оставляю тебя дома. — Но мальчишка, скатившись кубарем по усыпанному галькой скату берега, уже снова лез наверх, чтобы повторить это упражнение.

Две молодые чукчанки, вышедшие проводить своих ребят, без умолку тараторили. У одной на спине был привешен меховой мешок, из которого выглядывала маленькая рожица Нулинги, первой уроженки острова Врангеля.

— Павлов, голубчик, поспеши с байдарой. Они еще тут останутся без голов, прежде чем мы отправимся в свою экспедицию. Хоть бы эти болтушки на минуту прекратили свою трескотню! Анека, смотри за Кайменом. Он провалится на льду. Ах, ты пропасть! Уже выкупался, негодный мальчишка! Теперь оставайся дома, куда я тебя возьму мокрого.

Но Каймен ничуть не был удручен своей неудачей. Он только сбросил ирань¹ и остался

¹ Ирань — меховая рубашка.

в меховых штанах и таких же сапогах. Он считал в порядке вещей, чтобы эти части одежды были мокрые.

На земле лежали мешки с продовольствием и кожаные сумки для сбора мха и корней.

Доктор предполагал начать сбор на ближайшей береговой косе. До нее было километра три. Но сразу же за бухтой пологий усыпанный галькой берег круто возвышался, образуя невысокий вал. Обращенный к морю скат сверкал на солнце изломами сланцевых плит. Острые края слоистого камня разрезали подошву. За несколько дней перед тем как отправиться с детьми доктор отважился совершить пешком переход через этот вал, но жестоко поплатился: толстые подошвы из моржовой кожи оказались изрезанными вконец. Поэтому на этот раз он решил добраться до косы на байдаре, которую заведующий поселением предоставил ему для экспедиции ребят.

Наконец, Павлов объявил, что можно садиться, и подтянул байдару к самому берегу. Ребята бросились, как стая птиц. Поднялся гам, крик, визг; мальчишки отталкивали девочек, те жалобно пищали. Кого-то свалили с ног. Доктор схватился за голову.

— Птичий базар! Большие лезут вперед! Павлов, не пускай их, бери сначала маленьких! Протягивай весло!

Павлов опер о землю широкий конец весла. Доктор оттащил от байдары Мишку и Степу, сыновей русского охотника.

— Лучше бы мешки подавали, чем работать локтями и толкать маленьких!

Затем он взял Каймена и, посадив его на весло, протолкнул почти до самого борта байдары. Павлов принял мальчика и усадил его на скамью. Анук протянула доктору руки. Но Итухузук заботливо поднял сестрицу и, ступив в воду, передал ее Павлову.

Кмекай залез на плечи доктору. Но на этот раз доктор не стал с ним церемониться и, схватив за ворот меховой ирани, общим порядком отправил в байдару.

Когда маленькие были усажены, Павлов принял весло. Ребята постарше легко вскарабкались на высокий борт байдары.

— Ну, никого не забыли?—спросил доктор.— Сколько? Должно быть четырнадцать голов. Раз, два, три... Ну все. Мишка и Степа, на весла!.. Ну, отваливай... погоди, погоди... Кого-то забыли!

На берегу стояла тоненькая девушка в меховом керкере с шароварами. На плечи спускались две туго заплетенные косицы.

— Кого же это мы забыли?— Доктор подозвал девушку рукою, но она не двинулась с места.

— Да это дочка Каулькая, — сказал Павлов.

— Пусть едет с нами, раз уж пришла.

— Не поедет. Очень уж она тихая.

Доктор еще раз позвал девушку. Она едва заметно покачала головой.

— Ну, отваливай!

Байдара заскользила по воде. На берегу еще долго стояла печальная Иленеут и смотрела вслед удалявшейся байдаре.

Дети, словно молодые олени, рассыпались по береговой косе. Солнце хорошо пригревало. Где-то близко журчала вода, — ручейки сбегали с запорошенных снегом вершин гор и веселыми змейками извивались по каменистому берегу. Словно набросанные грудой кристаллы, сверкали на солнце изломы почвы на скатах холмов.

Дети вооружились кто тупым ножом, кто отточенной костяной палочкой. Учить их не приходилось. Привычными к холоду руками они выкапывали из обледенелой земли нежный мох и крошечные, влажные стебли. Чтобы достать растение с корнями, они втыкали в промерзлую почву нож или палочку и, словно на рычаге, поднимали стебли и мох.

Ребята работали усердно. А доктор решил понежиться на солнышке. Выбрав каменистый бугорок, он прилег на землю. Ему была видна вся полярная плантация, — на небольшом участке долины, между спускавшимися к берегу отрогами горной цепи, копошились ребята. Одни из них были одеты в мех, и их фигурки почти терялись среди желтовато-серых изломов размытого ручьями камня. Другие успели скинуть меховые рубашки и их смуглое тело напоминало потемневший от весеннего разлива песок, который островками выступал среди серого сланцевого грунта.

Доктор недолго оставался в одиночестве. Обгоняя друг друга, с полными мешками прибежали Мишка и Степа. Потные и вихрастые они гордо вытрясли свои мешки.

— Ждете, что я похвалю, — сердито сказал доктор, бросив взгляд на их добычу. — Хищники вы, вот что! Ведь кажется русским языком вам сказано, чтобы вы не разоряли нор полярных мышей или пеструшек, а вы что притащили? Ведь только по норам вы и шарили вместо того, чтобы искать самим.

Мальчишки открыли было рты, чтобы оправдаться, но подошел Кмекай, и доктор, безнадежно махнув рукой, закончил свое нравоучение.

— Всю жизнь проводите на лоне природы, а понимания никакого. Ну, показывай ты свои находки, — обратился он к маленькому чукче.

Кмекай устало прилег на землю и высыпал из мешка собранный мох и лишайник.

— Ну, вот молодец! Он честно работал и не обкрадывал пеструшек.

— Кмекай не трогает нор, — важным тоном заговорил маленький чукча. — Мама сказала Кмекаю: в тундре жила мышка, у нее была норка и запасы на зиму. Пришел мальчик и взял запасы. Мышка ушла туда, где нет злых мальчиков, и другие мышки ушли. Там, где жил мальчик, не осталось мышек. А когда мышки ушли, ушли песцы, потому что песцы не могут жить без мышек, они едят мышек. А когда ушли песцы, мальчику было очень плохо, потому что его ате¹ был охотник, и ему нужно было далеко ходить и искать песцов. Он не знал, куда ушли мышки и куда ушли песцы, и искал их в тундре, где было холодно и был ветер. И мама

¹ Ате — по-чукотски отец.

сказала: „Кмекай, не трогай норок мышек, — они кормят песцов, а песцы кормят тебя и твоего брата, и твоего ате, и твою маму“. И Кмекай не трогает нор.

— А другие чукотские мальчишки что ли нор не разоряют!

— Кмекай не трогает норки, и Каймен не трогает норки, и мальчик Матвея не трогает норки. А ты трогаешь, потому что вам нужна нерпа, а песцы вам не нужны.

— Вот в этом-то все дело. Если бы ваш отец охотился за пушниной, то вы бы давно усвоили, что не надо разорять нор пеструшек.

— Как будто они и впрямь уйдут.

— Представь себе, что могут уйти. Пеструшки табунами уходят с мест, где им нечем питаться, а за ними следом уходят не только песцы, но и медведи, волки, лисицы, росомахи, горностаи, дикие олени. Даже стада домашних оленей и тех не удержать.

— Отсюда никуда не уйдут, кругом море.

— Не скажи! Моря им, конечно, не переплыть, хотя плавать они умеют. Но ведь охотнику-то не легче от того, что, уйдя с острова, они погибнут в пути. Когда пеструшки отправляются в странствие, они не останавливаются ни перед какими препятствиями, — взбираются на неприступные скалы, переплывают озера, бурные потоки; несметное количество их гибнет... Но в местах, которые они покинули, жизнь замирает. Вот отчего охотники на пушнину и не позволяют своим детям разорять нор пеструшек. И вы этого тоже не должны делать.

Не по святцам, а по радио.

— Можете меня поздравить, — сказал доктор — сегодня ровно два года с тех пор, как я приступил к метеорологическим наблюдениям. За это время я не пропустил ни одного дня.

— Можете гордиться.

— Ну, гордость-то была бы не к чему. Мы не гордые. Но я сам удивляюсь тому, что не испытываю особенного удовлетворения. Два года я ежедневно записывал температуру, давление, влажность, силу и направление ветра, облачность, количество осадков в воздухе; составил графики за каждую неделю, за каждый месяц, за каждый год. Ну, и все! А разве этого достаточно? Разве метеорология не ставит себе гораздо более широкие задачи? Посудите сами. Судно не пришло в этом году. Значит пройдет по крайней мере год до тех пор, когда мне удастся передать мои записи на материк, а оттуда — на другие метеорологические станции. Ведь к тому времени все те явления, которые можно было бы предугадать на основании моих наблюдений

за первые два года, будут уже в прошлом. Значит смысл моих наблюдений за первые два года жизни на острове сведется к тому, что будут известны метеорологические условия на острове Врангеля.

— Что же, по-вашему, этого мало?

— Безусловно мало, по сравнению с тем, что могли бы дать эти же наблюдения, если бы у нас на острове было радио.

— Да, радио не дает вам покоя. Вы постоянно мечтаете о радио.

— Вот именно... мечтаю и тоскую. Но ведь теперь мы говорим не о том, что радио связало бы наше поселение со всем миром и сделало бы нашу жизнь на острове несравненно более легкой. Об этом каждый из нас столько думал, что и говорить не стоит. Я хочу сказать, что будь у нас радио, работа наша приносила бы гораздо большую пользу человечеству. Ну, скажем, я установил, что сегодня ветер имеет какую-то силу и дует в таком-то направлении. Но как велик район, в каком он дует? Кто его знает. Вот если бы я мог по радио передать свои наблюдения, скажем, на Ляховскую станцию, которую должны были построить в этом году, я бы получил с Ляховской станции ее метеорологические записи и мог бы установить хоть приблизительно картину целого района. А я даже не знаю, построена ли Ляховская станция или нет. Я знаю, что другие станции работают, но ведь, не имея радио, я все равно не могу поддерживать с ними связь. А ведь в этом-то весь смысл полярной метеорологии.

— Да, такая переключка радиостанций, рассеянных в пустыне Ледовитого моря, — это величественная картина, — сказал заведующий.

— Но, поймите, что без этой переключки вся полярная метеорология теряет смысл. Представьте себе, что все станции, на которых производятся наблюдения, связаны по радио между собою или хотя бы с одной станцией на материке. Следовательно каждая станция каждый день может составлять сводку, карту, которая дает полную картину погоды во всем Полярном бассейне. Тогда можно видеть, в каком направлении движется ветер, какой район он захватывает; можно предвидеть, как то, что происходит в полярных морях, отразится на климате Сибири, даже всей Европы. Вот при этом условии наши полярные станции дали бы возможность предсказывать погоду. Научное предсказание погоды имеет колоссальное значение для земледелия. А ведь вся наша страна по преимуществу земледельческая.

Вот если бы у нас было радио, мне не тяжело было бы в любую погоду, в метель, в туман и пургу выходить в 7 часов утра, когда все еще спят, и производить свои наблюдения. Да, мне было бы не тяжело, — я бы признавал, что работаю для того, чтобы в ближайший же год крестьянин собрал с поля лучший урожай. Конечно, если бы крестьянин продолжал сеять по святцам, на Елену-мать Константина, на Ирину-рассадницу, на весеннего Николу и на первый Спас, то и при радио мои наблюдения оказались бы для него бесполезны. Но

ведь постепенно в сельское хозяйство, как и во все области жизни страны, проникает идея плановости. А планы посевных кампаний несомненно должны опираться на предсказания погоды.

Но пока станции между собою не связаны, до тех пор метеоролог бессилен что-либо предсказать относительно погоды, и пока у нас на острове нет радио, приметы опытного охотника всегда окажутся вернее, чем все мои выводы. Вот ведь знал же эскимос Анихитук, что байдара с „Большой земли“ в этом году не придет. А я, не имея радио, этого предсказать не смог, несмотря на все мои наблюдения.

— Еще один только год, и на острове будет радио. Но разве вам не приятно сознавать, что самое трудное, самое тягостное сделано нами, что следующая смена будет работать в несравненно лучших условиях?

— Приятно, приятно, что и говорить. Быть на месте следующей смены я вовсе бы и не хотел. Пока что меня, признаюсь откровенно, очень тянет на „Большую землю“. Но вы, конечно, знаете о „полярной бацилле“, о которой писал Пири, открывший Северный полюс. Так я вполне допускаю, что бацилла эта где-то во мне засела. В таком случае меня снова потянет в полярные страны, да так потянет, что я брошу все и уеду куда-нибудь на 80° северной широты. Но знаете, что я тогда сделаю? Я дождусь 1932/1933 года. Это будет необыкновенный год, — все культурные страны будут сообща по единой программе проводить второй Международный Полярный

год. Первый проводился в 1882/83 году. Но какой размах был тогда и какой будет теперь! Тогда работало всего 15 полярных станций и 2 экспедиционных судна. А теперь! К услугам участников второго Полярного года будут бесчисленные станции, целая сеть, покрывающая моря и берега Арктики и Антарктики. Самолеты, цепеллины! Это будет грандиозный поход, наступление культурного человечества на полярные области, которые так неохотно открывают человеку свои тайны. А какая великая роль предназначена самой природой нашему Союзу в проведении Международного Полярного года! Ведь мы владеем самым большим арктическим сектором и должны к этому году покрыть ледяное море нашего сектора сетью станций. Я уверен, что пока мы сидим здесь в кольце льдов, в полярных морях уже строятся новые станции, о которых мы не знаем...

Девушка с глазами оленя.

Павлов деловито и обстоятельно рассказал про нелады в семье Каулькая: старик был недоволен дочкой. Она всегда о чем-то думала и лишь нехотя принимала участие в жизни яранги. Отец считал, что во всем виновата старая Аканга, избаловавшая дочь, и после долгих размышлений нашел, наконец, верное средство, — он решил выдать Иленеут замуж. Каулькай выискал себе зятя по вкусу — Амрилькут соглашался в виде выкупа за невесту работать на семью Каулькая до прихода „большой байдары“ с „Большой земли“, т. е. целый год. Робкая Иленеут не смела возражать отцу, но целыми днями плакала.

— Вот среди таких плачущих цынга и выхватывает себе жертвы, — пробормотал доктор. Ему было жаль тихую, молчаливую Иленеут и хотелось заступиться за нее.

— Павлов, ты говоришь, что маленький Рулет тоже очень плохо выглядит? — спросил он, ища предлога пойти в ярангу Каулькая.

— А неужели хорошо? Старуха плачет, сестра плачет, отец их корит. И как это они, право.

Хоть не за деньги, а все же выходит так, что дочек продают, ну, там за отслугу. И чего бы кажется здесь, на острове гнаться за рабочими руками? Все равно, что им надо, то им дадут из управления. Много набьешь морского зверя, мало,— все равно из склада свой паек каждый получает.

-- Старые привычки сидят крепко. Создать новый быт нелегко.

— Да у них бы казалось, как раз легче коммуно устроить, чем в русских поселках или, скажем, в городах. Ведь когда они живут на стойбище, то добыча делится между всеми. Охотнику повезло, — убил медведя или нерпу, привез на стойбище и сам уж отходит от зверя. Хозяйка разрубит и разделит между соседями. Может оставить своим детишкам лишний лакомый кусочек или часть пожирнее, но все же никого не обойдет, — все на стойбище сыты. Ну, кожа или мех, это, конечно, не делят. Кто убил зверя, тому и достается. Но насчет еды у них просто, — если сыты, так все, а если голод случится, то голодают всем стойбищем. Тут коммуно казалось бы и устроить, а вот видите ли, дочек выдают за отслугу. Всякому хочется быть удачником, кормить других, а не получать куски.

— А ты бы с Каулькаем поговорил, объяснил бы ему, что не годится так поступать по-старинке. Если Иленеут не хочет итти замуж, зачем же он ее принуждает? Ведь не в тягость же она ему.

— Вот вы бы зашли посмотреть Рультета и заговорили бы про это, как будто невзначай. Вот

спросите, почему она убивается, скажите, что еще может заболеть от слез. Они ведь своих детей очень любят и жалеют.

Каулькай уступил доктору почетное место у аайкапы и крикнул хлопотавшей в наружном шатре Аканге, чтобы она повесила над огнем чайник. Он был не в духе, но старался это скрыть. Рультет сидел на корточках в углу и ножом ковырял кусок дерева. Доктор был в затруднении. Было ясно, что мальчик совершенно здоров и доктор не знал, ни как объяснить цель своего прихода, ни как навести разговор на вопрос о замужестве Иленеут. Девушки в пслоге не было. Подходя к шатру доктор видел, что Иленеут хлопочет около большого камня, на котором рубят мясо и колют лед. Прошло довольно много времени. Аканга просунула под полог закопченный черный чайник. Каулькай достал из ящика, на котором стояла аайкапа, грубые чашки и стал глотать без передышки горячий чай. Пока доктор пил первую чашку, он успел выпить почти все содержимое чайника. Иленеут все не возвращалась.

Не зная чем занять время, доктор попросил Рультета показать ему свою работу. Мальчик смущенно протянул доктору небольшую деревянную дощечку. Доктор поднес дощечку к близоруким глазам. В продолговатом куске дерева мальчик вырезал маленькие фигурки — целую свору собак, а за ними нарты с дугой.

— Сколько жизни, движения! Какая наблюдательность! — подумал доктор. — Хорошо, Рультет! Очень хорошо!

Каулькаю было приятно, что доктору понравилась игрушка. Как гостеприимный хозяин он решил доставить удовольствие гостю. Он что-то сказал мальчику и назвал Иленеут. Рультет выполз из полога. Через минуту он появился снова с небольшим мешочком из потертого оленьего меха. Развязав ременную завязку, он высыпал на устланный мехом пол несколько костяных и деревянных фигурок.

— Ныркыт ¹, — презрительно процедил Каулькай, не вынимая из рта трубки.

— Лучше бы Иленеут расшивала себе подол. А это не работа. Ныркыт!

Доктор взял длинную деревянную пластинку. На ней была изображена целая вереница оленей. Над их головами ветвистые рога образовали кружево, словно оголенные ветви осенних деревьев. На костяной пластинке маленький пыжик сосал вымя важенки. Мальчик показывал разные фигурки одну за другой. Стройный олень легко взбирался на крутую скалу. Охотник в широком керкере с большим воротником и связанными на макушке волосами бегом догонял легконогое стадо.

Доктор был изумлен.

— Какая правдивость в изображении! — говорил он сам себе. — Только охотничьи племена обладают таким верным глазом! Только охотник

¹ Ныркыт — по-чукотски мешок с хламом.

так чувствует движение, так знает каждый му-
скул животного! Только охотник так умеет изо-
бражать живую природу!

Каулькай понял многие из слов доктора, но не понял их смысла.

— Отец Иленеут охотник и брат Иленеут, Эттыльгин, тоже охотник, — сказал он. — Но она хочет, чтобы сын ее был сыном оленного пастуха, и сердце свое она отдала пастуху на „Большой земле.“ У меня нет стада и мне не нужен в доме зять пастух.

Доктор хотел было сказать Каулькаю то, что говорил Павлову, и еще много другое. Но все эти заготовленные слова как-то не сходили с языка. Он вспомнил пугливую, печальную Иленеут, и она сама показалась ему похожей на молодого оленя. Да, конечно, ее грустные, золотистые глаза напоминали глаза раненного оленя. Иленеут была ранена и страдала. Сердце доктора сжалось.

— Слушай, Каулькай, — сказал он. — Ты прав, у тебя нет стада и тебе не нужен в доме зять-пастух. Но у тебя два сына, и тебе также не нужен в доме зять-охотник. Самый старый и умный здесь на острове Кителькут. И он сказал начальнику: „Хорошо, если у охотника есть сосед-пастух“. Не спеши брать себе зятя-охотника, он тебе не нужен. А когда ты вернешься на „Большую землю“, выдай Иленеут за того, кому она отдала свое сердце. И у тебя будет сосед пастух. А это хорошо для охотника, так сказал старый Кителькут.

Каулькай слушал, низко опустив голову. Он не пошевелился, когда доктор кончил. Руль-

тет, робко поглядывая на отца, собирал в мешок фигурки с оленями. Он знал, что отец не любит, когда ему перечат, и ждал гневных слов.

Каулькай громко вздохнул и выпрямился. Его лицо было спокойно, даже глубокие складки смягчились.

— Кителькут самый умный из живущих здесь детей Белой жены, — сказал он. — Но ты умнее Кителькута.

Доктор запротестовал против этой чрезмерной похвалы. Но старый охотник вытянул руку, и попросил его помолчать.

— Наргинен¹ дал детям Белой жены нерпу, всякую рыбу и оленей. Он сделал так, что одни охотятся, другие пасут оленей. Оленные девушки красивые, ой, какие красивые. И когда мне было мало лет, я взял себе в жены Акангу, оленную девушку. Стада я не взял, — отец мой Эттыльгин был охотник, братья мои были охотники, мне не нужны были олени. Когда родился Эттыльгин, умер мой отец, и душа его перешла в маленького нашего сына. Прежде чем родилась Иленеут, умерла мать Аканги; ее звали Иленеут, и когда у нас родилась дочь, в нее перешла душа старой Иленеут. Дочь моя красивая, и многие охотники хотят взять ее в жены, и обещают работать на меня, сколько я назначу. Но Иленеут любит пастуха, потому что у ней душа оленной девушки. Ты это понял, потому что ты много знаешь, чего не знает Кителькут. И я сделаю так, как ты сказал.

¹ Наргинен — высшее божество, дух всего мира.

Сказки старой Аммы.

Старый Кителкут лежал, положив голову на меховой валик. Он курил, задумчиво устремив на огонек айкапы взгляд прищуренных, выцветших глаз.

Он прислушивался к звукам, долетавшим со двора и из наружного шатра; сын кормил на дворе собак, невестка за стеною теплого полога готовила ужин. Когда звуки, долетавшие снаружи, затихали, Кителкут улавливал слова сказки, которую, словно сматывая нить с прялки, мерно рассказывала старая Амма.

Эту сказку Кителкут часто слышал, когда еще бегал в макке с волочащимся по земле клапаном. Но потом он ее забыл. Когда стали подрастать их дети, ее напомнила ему его молодая жена, Амма. Старших детей унес дух болезни, опустошивший их стойбище. Остался младший сын Эуныкей. В долгую зимнюю ночь Амма занимала сказками маленького Эуныкея, которого злой дух пошадил, но лишил братьев и сестер, товарищей в работе и в забаве. Кителкут помнил, как Амма плела нить сказки, пока Эуны-

кей не засыпал у нее на коленях, помнил, как слезы текли по ее увядшему от горя лицу и падали на голову сына.

А теперь подросли внуки. Старая Амма не вспоминала о своих детях, которых унес дух болезни, и рассказывала Кутувии и Уквуне те же сказки.

— Давно-давно лисица была человеком — мерно и протяжно говорила она. — Любила она обманывать. Пришел этот человек к одному жителю. Тот спит в пологе, и аайкапа у него не горит, темно.

— Эй! — кричит гость.

— Пришел? — говорит хозяин.

— Пришел!

— „А кто ты?“.

— „Да я с женою пришел!“

А сказал он неправду, пришел он один.

— Постой я зажгу огонь!

— Не надо, мы и так войдем, — говорит обманщик.

А затем тоненьким женским голоском:

— Пусть и так ладно! Мы и так войдем!

Вошли в темноте.

— Ого! — говорит грубым голосом, — дошли мы до доброго человека.

— О-хо-хо! — говорит тоненьким голоском, — дошли мы до доброго человека: так далеко ехали!

Хозяин говорит:

— Вот кость от оленьего зада с жиром, ешьте ее вдвоем!

— Ладно, будем есть — говорит грубым голосом. — Рот найдем и без света.

— Ладно, станем есть, — говорит тоненьким голосом, — рот найдем и без света.

Схватил кость, стал есть. Чавкает чавкает. Говорит! грубым голосом:

— Скорее ешь жена!

Опять с другой стороны чавкает, чавкает. Хозяин тихонько вышел из полога, зажег деревянную палочку и подставил ему прямо ко лбу. Испугался гость, вздрогнул:

— „Ка-ка-ка! Ка-ка-ка!“.

Обманщик убежал в поле и стал лисицей.

Мальчик слушал молча и ни на минуту не переставал что-то мастерить. Девочка занималась починкой кукольной кухлянки, в которой от времени появились плешинки. Сшитая из меха кукла лежала у нее на коленях. Инструменты для резки кожи она доставала из кожаного мешка, — это были ножички всевозможной формы и величины. Укувуна выбирала самые мелкие ножички, какими мать нарезала крошечные полоски и квадратики меха, когда составляла узоры опушана, расшитой полы зимней одежды.

Кутувия ладил прашу, эплекет. К крепким гибким шнуркам, ссученным из сухожилий оленьих ног, он привязывал небольшие костяные шарики. Он терпеливо продевал шнурки через ушки, просверленные в верхней длинной части шарика. Иногда шнурок не пролезал в слишком узкое ушко. Тогда Кутувия выбирал другой шнурок, потоньше. Он не спешил: до прилета птиц времени оставалось много. Весною над островом тучей пролетали огромные стаи, спешившие к своим излюбленным скалам на восточном берегу. Тогда не надо было быть птице-

ловом, чтобы за день убить несколько десятков птиц. Кутувия бродил у края воды. Здесь на песчаной отмели почва не ранила ноги, как острые камни холмов и горных скатов. Он ложился на берег и ждал. Вот на лазурном небе появлялось темное облачко; оно росло и приближалось. Это стаи птиц летели на свои привычные места, чтобы покрыть серые, угрюмые скалы шумными птичьими базарами.

Когда стоя, пере-кликаясь и хлопая крыльями, пролетала над головой Кутувии, он вставал на ноги и, отведя назад плечи, закинув голову, со всех сил швырял в стаю эплекет, затем другой, третий. Он почти ничего не видел ослепленными солнечным светом глазами, но он слышал, как близко от него со стоном падали птицы с широко раскрытыми крыльями.

Кутувия бил птицу не для забавы, — птицы были нужны в хозяйстве. Летом их мясо казалось вкуснее, чем жирное мясо нерпы и моржей.

Старый Кителькут, затягиваясь дымом длинной трубки, смотрел на терпеливую работу маль-

чика, на внучку, заботливо одевавшую и управлявшую свою растрепанную куклу. А старая Амма все пряла мягкую нить своей сказки:

— Было темно на земле; люди жили при свете костра. Камень был им пищей; черный камень — мясом, белый камень — жиром. Ворон Куркыль летал над землей. Говорит ворон:

— Отчего так худо создали вселенную?

Полетел ворон во вселенную, принадлежащую Кэлэ, злomu духу. Во вселенной Кэлэ спрятано солнце, завернутое в три оболочки. Дочь Кэлэ играет мячиком в переднем шатре. Стал ворон с ней играть.

— Ну-ка, ну-ка, ну-ка!.. Я теперь!

Играют вдвоем. Построили городки, провели между ними межу.

— Худой у тебя мяч! — говорит ворон. — Ты скажи твоему отцу и матери: „Когда же солнцем буду играть?“

Пишит девочка:

— Когда же солнцем буду играть!

— Потеряешь, закинешь! — говорит Кэлэ.

— Нет, нет, буду играть только в переднем шатре!

Дали ей солнце. Кинула девочка.

— Ну-ка, ну-ка, ну-ка!

Куркыль подхватил мяч и улетел с ним прочь. Погнались за ним Кэлэ и жена Кэлэ. Ворон летит и клюет, летит и клюет. Наконец, расклевал все три оболочки. Солнце выскочило наружу, засияло и поднялось вверх. Кэлэ и его жена убежали. Потом стал ворон ходить по жилым

местам; везде его кормят, дают, все что есть лучшего. Потом говорит ворон:

— Создам я еду, чтобы не надо было людям есть камни. Нашел деревцо, тальник, пнул его ногою, стали — олени, стадо огромное. Отделил он по несколько оленей каждому жителю. Потом говорит:

— Создам я воду!

Полетел над землей. Одно крыло волочит, — борозду крылом проводит, по борозде течет речная вода. Создал реки, создал море, место для рыбной ловли и для тюленьего копьеметательного промысла. Создал рыбу, тюленя, моржа, кита, лахтака. Потом создал медведя, оленя, волка, песца. Потом говорит ворон:

— Довольно теперь даров! стану незримым, буду летать над землей и пугать людей шумом.

И стал ворон громом.

Старый Кителькут слушал и курил трубку. Девочка, положив голову на меховой валик, в полудреме укачивала на груди свою меховую куклу. Кителькут слышал за стеною полога голоса. Сын, накормив собак, вернулся в шатер и разговаривал с женою.

— Амма! Пришел Эунекей. Он не будет сыт от твоих сказок.

Старая Амма при имени сына оборвала нить, которую готова была сматывать без конца. Дрожащими худыми руками она поправила светильню аайкапы, уложив мох ровной полоской вдоль круглого края каменной чаши.

— Гей-гей! Кутиет! от твоих речей Эунекей не будет сыт! — Крикнула она невестке через полу полога. — Подавай еду!

За полярных ребят!

— Теперь все тяжелое позади, — сказал заведующий. — Мы пережили третью полярную ночь, а летом нас, конечно, сменят. Если бы, в крайнем случае, судно снова не смогло пробиться, нас снимут самолеты. Но я лично уверен, что за нами придет судно. Да ведь и вы, доктор, считаете, что нечетные года благоприятнее в ледовом отношении, чем четные.

— Я это считал на основании истории прежних плаваний. Но вы сами знаете, что законы природы познаются и устанавливаются очень медленно, и часто людям приходится очень дорого платить за познания, которые облегчают жизнь человечества. А в полярных морях некоторые знания покупаются только ценою жизни. Возьмите хотя бы дрейфы. Судно, зажатое льдами, носит среди ледяной пустыни. Раздавленное напором льдов, оно гибнет. Гибнут и люди, если им не удастся спастись в шлюпках. Где-нибудь у берега, где они надеялись найти спасение, обнаруживают их трупы. Затем проходят годы, и на другом краю Полярного моря

к берегу прибывает льдину с вмерзшими в нее вещами этих же людей. Находка вещей указывает на существование течения, проходящего через полюс из одного полушария в другое. Какое открытие, какая победа науки! Но за это знание заплачено жизнью нескольких людей!

— Да, за те знания и опыт, которые мы приобрели на нашем острове, мы заплатили сравнительно недорого.

— Сознаюсь, что первая зима казалась мне бесконечной и невыносимой. А потом стало легче. Это странно, и я много об этом думал. И знаете, к какому я пришел выводу? Если бы мы провели эти годы в условиях обыкновенной полярной станции, мы бы чувствовали себя гораздо хуже.

— Даже с радио, которое имеется на всякой обыкновенной полярной станции?

— Да, даже с радио. Мне случалось читать о зимовках и говорить с зимовщиками; оказывается, хуже всего то, что зимующие начинают ненавидеть друг друга. Это могло бы случиться и с нами, если бы у нас не было поселения.

— То есть, вы хотите сказать, если бы у нас не было работы, дела?

— Нет, ничуть. Дела бывает достаточно на всякой полярной станции. Я хочу сказать, что нам было бы гораздо тяжелее, если бы у нас не было наших чукчей, наших эскимосов, то-есть, если бы мы провели эти три года среди так называемых культурных людей.

— При чем тут чукчи, эскимосы и культурные люди?

— Я вам поясню свою мысль. Знаменитый Пири, посвятивший 23 года своей жизни на то, чтобы достичь Северный полюс, считал, что участие эскимосов в экспедиции — это вернейший залог успеха. И вы думаете, что он рассчитывал на их опыт, на их ловкость, на их знание полярных стран? Ничуть не бывало. Он брал эскимосов целыми семьями, с женами и малыми детьми.

— Ну, простите, этого я не понимаю.

— Да и я только теперь, прожив почти три года на этом острове, понял в чем дело. Народы крайнего севера — это часть полярной природы, и они служат как бы посредниками между нами и этой полярной стихией, такой для нас чужой и враждебной. Это одна сторона дела, но есть и другая. В условиях культурной жизни, в больших городах мы привыкли обходиться без природы, и мы по ней не тоскуем. Но если вы, хотя бы на время, отнимете у человека блага культуры, он начнет тосковать по природе. В полярных странах, хотя бы на нашем острове, природа на треть года умирает, погружается в спячку, в мрак, в безмолвие. Но чукчи и эскимосы — это часть полярной природы и часть, которая зимою не умирает и не погружается в спячку. Они страдают и радуются, они болеют и мы можем им помочь. Вот отчего культурному человеку несравненно легче перенести зимовку, если вокруг него живут люди, для которых полярная ночь — родная стихия, люди, дни которых проходят в заботе о близких. Они, а особенно их дети, наполняют полярную ночь биением

жизни. Без них в эти долгие месяцы вся жизнь природы для нас сосредоточилась бы в ветре и в северном сиянии. Но ветер нам враждебен, северное сияние далеко от нас; чтобы не поддаться ложному впечатлению, будто все вокруг нас умерло, нам нужно биение жизни рядом с нами. Вот отчего Пири, а за ним Стефансон брали с собою в экспедиции не охотников эскимосов, а эскимосские семьи, которые на первый взгляд могли показаться только обузой. И я думаю, что и здесь, на острове маленькие эскимосы и чукчи оказали нам неоценимую услугу.

— Верно! Что бы вы стали делать, если бы здесь не было маленького Кмекая и Иленеут с глазами оленя?

Доктор поспешно отвернулся и стал сосредоточенно вытирать стекла своих больших очков.

— Хотите, доктор, в виде исключения, мы выпьем по рюмке? Ну, предложите тост! За что мы будем пить? Что же вы молчите? Выпьем за радио, которое облегчит жизнь тех, кто нас здесь сменит. Вам не нравится? Ведь это ваша постоянная мечта! Радио в ледяной пустыне! Ну, хотите выпьем за ребят нашего поселения, за всех наших маленьких чукчей и эскимосов, которые по вашему мнению помогли нам прожить здесь три зимы. Хотите, за ребят крайнего севера, которые больше, чем северное сияние, скрасили нам полярную ночь!

— За наших ребят, — тихо отозвался доктор.

На снежном стадионе.

Высокий, покатый берег бухты Роджерса не годился под стадион и потому состязание в беге и борьбе решено было устроить в широкой котловине, закрытой с юга и с севера двумя волнистыми грядами холмов. Весеннее солнце почти достигло зенита, когда поселенцы, наконец, были в сборе. Охотники, промышлявшие нерпу, моржа и пушнину на северном и западном берегах, были оповещены заранее и приехали с утра. Они не разбивали шатров, а сидели на своих нартах, стоявших в ряд по краю стадиона.

Заведующий поселением поставил три ставки, — одну на бег, вторую на борьбу, третью на прыжки. Первыми выступили борцы, — низенький, коренастый эскимос, вернувшийся с северного берега, и отец Кмекая, гибкий, как кошка, ловкий Куэльгин. Павлов положил на снег ставку заведующего — аккуратно завязанный мешочек с мукой. Около него зажгли небольшой костер из принесенных из бухты Роджерса щепок. Старая Амма вылила в костер несколько капель жира. Борцы обнажились до пояса, растерли себе грудь и руки

снегом и бросились друг на друга. Они не считались ни с какими правилами борьбы. Приземистый эскимос наваливался на противника, стараясь сшибить его с ног. Увертливый Куэльгин ловко отражал нападения и, вцепившись в толстую, короткую шею эскимоса, прижимал его к земле. Эскимос поддавался, но, очутившись на снегу, всей своей тяжестью ударял противника по ногам. Сцепившись клубком, они катились по снегу под хохот и крики зрителей.

— Гота, Гота! Куэльгин! Ге-ге! Итук!..

Куэльгин победил. Когда Итук собирался нанести ему удар в ноги, он ловко перепрыгнул через подобравшегося в комок эскимоса и, очутившись за спиной противника, впился ему в шею пальцами сильными, как когти зверя. Итук признал себя побежденным.

Зажгли костер у второй ставки — большого охотничьего ножа с украшенной медью рукояткой. Он должен был достаться самому быстрого из собравшихся охотников.

Чукчи подталкивали один другого, стараясь подзадорить шутливыми насмешками.

Доктор сидел у самого костра вместе с Матвеем на длинной нарте. Охотник только что приехал с западного берега, где у него были расставлены капканы и пасти для песцов. Он не заезжал в свою ярангу, так как здесь, на стадионе, встретил всех своих домашних. Распряженные собаки лежали за нартой рядом с большим тюком шкур — походной палаткой Матвея. В своей дорожной кухлянке, обшитой у ворота пушистым мехом росомахи, Матвей напоминал косма-

того зверя. Маленькая Энни влезла ему на колени. Она с восторгом гладила серебристую шкурку песка, которую Матвей привез доктору. Это не был подарок. Перед началом весеннего лова доктор предложил Матвею дать ему свой меховой спальный мешок. Матвею мешок был очень кстати, — объезжая или обходя свои капканы и пасти, он часто ночевал под открытым небом, и пользовался мешком, когда за день слишком уставал, чтобы еще возиться с палаткой. Но эскимос не хотел брать мешка иначе, как в обмен на свою добычу. Увидя доктора, он сразу же развязал свою сумку и передал ему мягкую пушистую шкурку.

Бег все не начинался.

— Что это они никак не могут решиться? — заметил доктор.

— Бегать они не умеют, оттого и не решаются. Вот посмотрели бы вы, как бегают оленные чукчи. В прежние годы на всякой ярмарке устраивались бега, да и так в праздники. А береговые чукчи, да эскимосы отсидели себе ноги, сидя в каяках, да на корточках.

Но желающие бегать все же нашлись. Это были два молодые охотника за пушниной. Скинув верхние меховые рубахи и сапоги и вооружившись короткими посохами, они подошли к ставкам и встали рядом. Затем они перекинулись несколькими словами и бросились бежать.

— На какое расстояние они бегут? спросил доктор.

— Пока не надоест, а потом обратно. Вот жаль, что нет Эттыльгина и Иленеут. Они бегать

умеют. А ведь им дали знать, и шатер их совсем недалеко, а вот не приехали.

Доктор уже до того искал Иленеут среди сбившихся в кучу чукчанок, но ее не было на стадионе. Семья Каульская уехала на летний промысел в одну из западных бухт; но другие охотники собрались из гораздо более дальних мест, и доктор уже подумывал, не случилось ли в семье Каульская какой беды, и не надо ли будет ему завтра отправиться на байдаре их провести.

Вот на западе между сероватыми скатами холмов показалось маленькое белое облачко, словно в воздухе закрутила пурга.

— Верно наши бегуны обежали вокруг холма и баста, возвращаются, — сказал Матвей и, вынув трубку, с досадой сплюнул. Облачко росло и приближалось. Матвей вытянул шею и прищурился, чтобы лучше видеть.

— Да это нарты... Верно, нарты!

Теперь и доктор мог разглядеть, что легкую морозную пыль вздымали несшиеся во весь дух собаки, белые, как снег, который столбом крутился над ними в воздухе. Седок, привстав на полозьях, размахивал в воздухе бичом.

— Да это Эттыльгин, — признал возницу зоркий Матвей. — Ну да, Эттыльгин, а с ним Иленеут! Го-го! Эттыльгин!

Нарта неслась стрелой. Она была уже совсем близко. Седок бросил бич и, просунув между передними копылами палку, старался замедлить бег саней.

У костра собаки остановились, — вожатый чуял, что значит костер, зажженный на снегу.

Эттыльгин соскочил с нарты.

— Эттыльгин, смотри где солнце? Скоро вечер. Что ты спал в пологе? — посыпались на него упреки и добродушные насмешки.

— Сегодня с отцом медведя убили, надо было притащить к шатру, — гордо ответил охотник. В своей пушистой широкой одежде, совершенно белой от инея, он сам был похож на белого медведя. Женщины говорливой толпой обступили Иленеут.

— Эттыльгин, поищи бегунов, устроим второй бег, — предложил Матвей, — Я ставлю свой большой нож. Кто хочет бежать?

Но никто не отозвался.

— Я побегу с Иленеут, — вызвалась бойкая молодая чукчанка с черными, как угли глазами. Это была Черинга, сестра Кытлепа. Но робкая Иленеут не хотела бежать.

— Беги, Иленеут, — сказал Матвей. — Для тебя я поставлю хороший женский ножик.

Вот белое облачко закрутилось в ложбине на востоке, — это возвращались бегуны. Первым бежал Кытлеп. На бегу он легко опирался на свой короткий посох и, достигнув старта, лихо схватил ставку — длинный охотничий нож.

Теперь предстояло состязание в прыжках.

Но женщины хотели сначала устроить женский бег. Они обступили Иленеут, уговаривая ее бежать с Черингой.

— Го-го, Иленеут! Гото! Гото Иленеут!

Наконец, Иленеут молча скинула дорожный меховой керкер и меховые сапоги, и встала у черты, Черинга рядом с нею.

Матвей воткнул маленький ножик с отогнутым назад лезвием рядом с небольшой тюленьей шкурой, — приз для лучшего прыгуна. Он ногою подвинул к своей ставке сложенные для костра щепки. Старая Амма перенесла с догоравшего второго костра горящую щепку и плеснула из каменной чашки с жиром в затлевшееся пламя.

Иленеут и Черинга сорвались с места и вих-

рем понеслись по стадиону. Они становились все меньше и меньше... Вот совсем скрылись за холмом.

Чукчанки без умолку спорили, — которая добежит первой, — сильная, рослая Черинга, или тонкая, легкая Иленеут.

— У Черинги — невестка шаманка. Ей, как и Кытлепу, во всем удача, будет у нее лишний нож, чтобы чистить шкуры, — говорили женщины.

— Мой нож достанется Иленеут, — сказал Матвей, — иначе бы я его и не поставил. Очень уж хороший нож.

Вот из-за холма показалась одна фигура, за ней другая. Они бежали почти рядом.

— Иленеут возьмет мой нож, — упрямо твердил Матвей. Доктору показалось, что эскимос с сожалением посмотрел на шкурку песца.

— Да, он жалеет, что отдал ее мне и не может поставить, — мелькнуло в голове у доктора. Он поспешно встал с нарты и, подойдя к ставке Матвея, повесил серебристую шкурку на рукоятку ножа.

Чукчанки зашумели, загалдели.

— Ко-ко! Ге-ге! Иленеут! Ке-ке!

Девушки приближались. Расстояние между ними то увеличивалось, то снова уменьшалось. Женщины волновались. Такая ставка девушке за бег! Которая возьмет, которая счастливая?

Вот одна стала отставать. Теперь уже можно было узнать бегущих. Впереди, отталкиваясь посохом, тонкая, легкая, как олень, бежала Иленеут. Перед самым костром она отбросила посох и обессиленная опустилась на землю.

Ее лицо разругивалось от бега, волосы и раскрытый ворот меховой одежды были покрыты инеем. Она сидела на снегу, закрыв глаза и не протягивая руки к ставке.

— Иленеут! Бери же ставку! Что же ты, Иленеут? Это твое счастье! Бери свое счастье!

Девушка открыла глаза, с удивлением посмотрела на серебристый мех и не пошевелилась.

— Это твое счастье, Иленеут. Бери же! Угадай, кто поставил!

Иленеут нерешительно протянула руку и, робко оглянувшись, спрятала в пушистый мех смущенное лицо.

Ледорез „Литке“ выйдет в середине июля.

— „Литке“ переброшен из Черного моря во Владивосток... Несомненно, он имеет гораздо больше шансов пробиться к острову, чем имел „Ставрополь“, который по своей конструкции обыкновенное судно, а не ледокол. Кроме того опыт плаваний в Ледовитом море показывает, что годы особо тяжелые в ледовом отношении чередуются с годами более легкими для навигации... Вероятно этим и объясняется прошлогодняя неудача „Ставрополя“. Я убежден, что ваше пленение на острове очень скоро кончится.

Гость с „Большой земли“ говорил спокойно и уверенно.

Он прилетел совсем неожиданно. Прилетел сказать, что о судьбе поселения крепко думают на „Большой земле“, сообщить, что мощный ледорез с запасами продовольствия и сменой выйдет из Владивостока с таким расчетом, чтобы войти в Ледовитое море, как только летнее солнце и туманы подточат, разрыхлят льды, как только весенние штормы взломают ледяные поля.

— Дорогой товарищ, — с волнением сказал доктор, — вы сами живой залог того, что мы скоро вернемся на материк. Ведь вы единственный в мире человек, которому трижды довелось побывать на этом острове.

— С маленькой оговоркой — из этих трех раз я лишь один раз достиг острова на судне, в 1924 году, когда мы пришли на „Красном октябре“, чтоб водрузить флаг СССР и снять канадских эскимосов. А оба мои полета, в 1927 г. и сейчас — это не в счет. Но я не сомневаюсь, что ледорезу „Литке“ удастся то, что не удалось в прошлом году „Ставрополю“. Ну, а в крайнем случае, если бы „Литке“ не пробился, мы сумеем снять поселенцев воздушным путем. Но тогда опыт заселения острова пришлось бы признать неудачным. Наши самолеты могут снять людей, но привезти новую смену и снабдить ее хотя бы на год — это выше наших сил.

— Представьте себе, — заметил заведующий, — что большая часть наших поселенцев отнюдь не стремится вернуться на „Большую землю“. Они с нетерпением ждут прихода судна, но вовсе не для того, чтобы покинуть остров. Они ждут подвоза припасов, которые у нас на исходе. А пока в складах управления имеется все, что надо, они чувствуют себя здесь гораздо более обеспеченными, чем на „Большой земле“. У них еще свежи в памяти страшные зимние голодовки прежнего времени, а здесь, на острове, как бы ни был неудачен лов, мы, во всяком случае, не дадим им терпеть лишения, пока у нас есть хоть какие-нибудь запасы.

— Интересно, что описания голода, и притом весьма захватывающие, очень часто встречаются в чукотских сказках, — начал доктор. — Они находят, что им очень хорошо здесь, на острове. Зимой они живут большим стойбищем и не скучают. Ведь стойбище из стольких яранг это редкость на „Большой земле“. Летом они расселяются по острову, но в светлое время дела так много, что им некогда скучать. Так что я не знаю, многих ли помимо нас снимет с острова ледорез „Литке“.

— Тем лучше! Привезут новых поселенцев, поселение увеличится, можно будет шире развернуть промысла. Можно будет создать на острове огромный песцовый питомник. Такие питомники уже имеются в Америке и у нас. Но питомник на острове Врангеля будет больше всех существовавших до сих пор. Об устройстве его мы думали, когда еще только намечался план организации поселения. Помните, товарищ?

— Помню, помню, как красноречиво вы описывали окруженный со всех сторон сеткой парк на 71° северной широты. В нем нет ни деревца, ни травинки, ни воды, — голый гранит и сланец. На этот парк — рай для юркого песка: — заботливая рука ежедневно приготовляет для него лакомую пищу, мясо и жир. В привычном месте, в кормушке, песец находит готовый обед, а на ужин ему нетрудно раздобыть себе пару пеструшек. Песцы быстро размножаются, число их растет, они становятся почти ручными. Но песцовое счастье оказывается непрочным. Не даром человек кормил его плодами своей охоты...

— Ну, что же, — сказал гость, — мне кажется, что за эти три года ваши поселенцы успели изучить и остров, и песца. Остается привести сетки, чтобы окружить ими питомник, и тогда за дело! Ведь вы сами говорили, что охоту на песца ваши поселенцы предпочитают всякой другой. А ведь охотиться будет гораздо легче, — не придется выслеживать зверя, — достаточно расставлять капканы около кормушек.

— Да ловить-то песцов, конечно, будет легче, но зато придется приналечь на моржей и тюленей. Шутка ли ежедневно поставлять мясо и жир для всего песцового населения острова! Ведь до сих пор наши чукчи и эскимосы не отличались запасливостью. Конечно, это — наследие недавнего еще прошлого, когда американцы наезжали на Чукотский полуостров и в обмен на спирт забирали у них все их запасы, вплоть до последней шкуры, отложенной на пошивку одежды или на починку шатра. За эти три года мы их научили запасать на зиму и для себя и для собак. Если мы устроим питомник, они должны будут запасать также еще и для песцов.

— И будут, конечно будут, — с уверенностью сказал доктор. — Пока я жил на „Большой земле“, я знал об охотничьих племенах то, что о них писали в книгах, — они, мол, не любят подчиняться никакой организации. А здесь я убедился, что это совсем не так. Все дело в том, что цивилизованные европейцы обычно навязывали им организацию, которая вела к их порабощению, и ничего нет удивительного в том, что такая организация не встречала у них никакого сочув-

ствия. Но смотрите, как охотно они идут на встречу всем нашим начинаниям! Вспомните наш опыт со школой летом, после первой зимовки. Ведь они присылали своих детей из соседних бухт. Не их вина, что школа просуществовала всего два месяца. Впрочем, и не наша: не мог один Павлов быть и учителем, и охотником, и кладовщиком, и переводчиком... И то приходится удивляться, как его на все это хватало. Но, во всяком случае, наши охотники с доверием относились ко всем нашим начинаниям.

— Значит, в скором будущем на нашем острове будет образцовый питомник. Да, но для европейцев не так-то легко будет устроить здесь сносное существование. Хотя я уверен, что уже следующая смена будет жить в несравненно лучших условиях, чем жили вы...

— Чего стоит одно радио, которое привезет „Литке“.

— Да, радио избавило бы вас от многих горьких минут. Если бы у вас было радио, вы бы знали, после какой отчаянной борьбы вернулся в прошлом году „Ставрополь“ и в каком виде, с какими вмятинами на бортах. Вы бы знали, как озабочены были общественные организации судьбой колонии. Будущая смена не будет знать таких горьких минут, какие, наверное, переживали вы, на три года отрезанные от всего мира...

— Да что и говорить, товарищ, поднимать целину всегда труднее, чем пахать готовое поле. Но, скажите, доктор, разве когда-нибудь мы с вами жалели о том, что нам пришлось быть пионерами острова Врангеля?

Судно на горизонте.

Сон бежал от усталых глаз. Слепящий свет полярного солнца держал в каком-то напряжении. Ложась спать доктор, как всегда, завесил окно темным одеялом; снаружи свет задерживали деревянные ставни. В комнате было почти темно, но все же доктору казалось, что спать ему мешает именно свет.

— Как хорошо спится в темную, летнюю ночь, — вздыхал он, ворочаясь на постели.

В последнее время очки с темными стеклами мало помогали, глаза все равно болели и ночью особенно настойчиво напоминали о режущем, беспощадном свете полярного дня.

— Лучше оденусь и выйду на берег, — подумал доктор.

На берегу было тихо. У края воды бродили люди в широких меховых балахонах.

— Ведь они-то, кажется, привыкли к полярному дню. Что же им не спится?

Искристая зыбь морщила под берегом воду. Дали не было. словно жесткие кулисы сцены, совсем близко возвышались белые ледяные стены.

Кое-где они были увенчаны башнями, то плоскими, то остроконечными. На восток и на запад стена терялась среди таких же белых полей. Над белыми льдами лазурь неба переходила в безжизненную белизну слепящего, безрадостного света.

— Мы в кольце льдов, мы за ледяной стеной, — печально подумал доктор.

— О нас помнят, заботятся, чтобы помочь нам делать все, что в человеческих силах. Но все ли в силах человека? Не переоценивают ли люди своих сил? Льды Арктики еще не побеждены. Теперь судно должно быть на пути к нам. А если будет то же, что в прошлом году? Через гранитные скалы легче пробиться, чем через льды, потому что против льдов бессилён даже динамит.

Но вода под берегом так радостно сверкала на солнце, так весело, бодро набегала на берег легкая волна. По скату бухты спускались охотники в своих пушистых одеждах. Они тоже шли к воде. В эту минуту доктор понял: — и их из теплого шатра гнало то же, что столько ночей подряд заставляло его вставать и идти на берег. Они ждали, как и он. Они остановились у воды, — мохнатые силуэты на зыбкой, серебрянной ленте моря.

Над белой стеной льдов белое небо свешивалось, как завеса.

Но вот неподвижно стоявшие, словно застывшие люди задвигались, — они размахивали руками, толкали друг друга, показывая на что-то в море. Долговязый человек с маленькой головой, едва выступавшей из широкого ворота, от-

делился от остальных и стрелой побежал вверх по откосу бухты.

Доктор нерешительно приблизился к возбужденно жестикулирующим людям. Они его не заметили, но он мог разглядеть их лица. Он никогда не видел их такими. Каждый мускул этих суровых, словно выточенных из потемневшего дерева, лиц дрожал. Как свет и тень менялись в них радость и тоска. Он видел то, что ему случалось подсмотреть в редкие минуты—радостную надежду, которую, почти не зная их языка, он умел им внушить, печаль, которую он видел в их глазах, когда болели их дети.

— Амиарсуит! Амиарсуит!—донесся вдруг с откоса радостный клич.

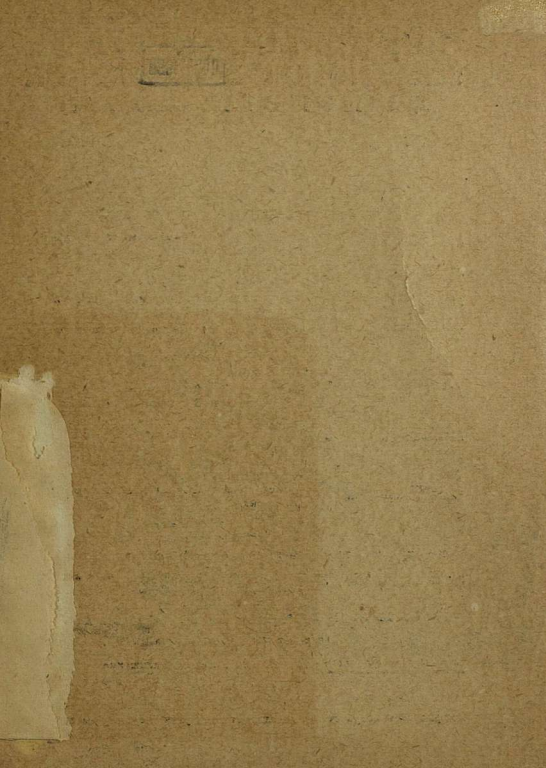
— Амиарсуит! Амиарсуит!—подхватили голоса у воды.

Размахивая руками, они бежали мимо доктора к своим шатрам. Один почти натолкнулся на него. Это был Анихитук. Признав доктора, он охватил его за плечи и, крепко прижав к себе, в порыве радости, закричал:

— Амиарсуит!... байдара!

Далеко, далеко на востоке, среди белого поля показалось маленькое, темное пятнышко.

КАЖДЫЙ ПИОНЕР, КАЖДЫЙ ШКОЛЬНИК

ДОЛЖЕН ВЫПИСЫВАТЬ СВОЮ ГАЗЕТУ

ЛЕНИНСКИЕ ИСКРЫ

(выходит три раза в декаду).

- „Ленинские Искры“ — печатают повести, рассказ и стихи лучших детских писателей.
- „Ленинские Искры“ — помогают школьнику в учебе, давая очерки о полит. событиях и о жизни ребят за границей
- „Ленинские Искры“ — помещают письма и заметки самих ребят об их жизни и работе.
- „Ленинские Искры“ — учат ребят мастерить модели машин, радиоприемники, летающие модели аэропланов, предметы для хозяйства и самодельные инструменты.
- „Ленинские Искры“ — дают страничку о жизни ребят деревни и статьи в помощь работе по сельскому хозяйству.
- „Ленинские Искры“ — рассказывают ребятам обо всех интересных открытиях, путешествиях, достижениях науки и техники и происшествиях с ребятами по СССР и за границей.
- „Ленинские Искры“ — дают своим подписчикам еженед. бесплатное приложение

„ГАЗЕТА—ШКОЛЕ“

(8 страниц), которая помогает ребятам в учебе и общественной работе.

- „Ленинские Искры“ — дают своим подписчикам 2 раза в месяц бесплатное приложение газету

„РЕБЯТА-ОКТЯБРЯТА“

для ребят младшего возраста.

- „Ленинские Искры“ — дают 4 раза в месяц приложение

„БАКЛАЖКА“

юмористические рассказы, веселые стихи, шутки, карикатуры и т. д.